

На правах рукописи

САЛИМОВА ДАНИЯ АБУЗАРОВНА

**ЧАСТИ РЕЧИ
В РАЗНОСТРУКТУРНЫХ
ЯЗЫКАХ**

СИСТЕМНО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОД
(на материале татарского и русского языков)

10.02.02 - языки народов
Российской Федерации
(татарский язык)
10.02.01 - русский язык

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Казань
2001

**Работа выполнена на кафедре русского языка в национальной школе
Елабужского государственного педагогического института**

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ОППОНЕНТЫ:

член-корреспондент Академии наук Республики Татарстан,
доктор филологических наук, профессор

Р.А. ЮСУПОВ

доктор филологических наук, профессор
(Нижегородский лингвистический университет)

М.А. ГРАЧЕВ

доктор филологических наук, профессор

Л.К. БАЙРАМОВА

ВЕДУЩАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ:

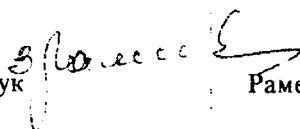
Башкирский государственный университет

Защита состоится «16» октября 2001 года в 13.00 на заседании диссертационного совета Д 022. 001.01 в Институте языка, литературы и искусства имени Г.Ибрагимова Академии наук Республики Татарстана по адресу: 420503, г. Казань, ул. Лобачевского, д.2/31, а/я 263.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке Казанского научного центра РАН (г. Казань, ул. Лобачевского, 2/31).

Автореферат разослан « 14 » сентября 2001 года

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук

Рамеев 3.3

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000251503

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Несмотря на более чем двухтысячелетнюю традицию лингвистического описания, ключ к решению очевидной на первый взгляд проблемы частей речи пока не найден. Вопрос о частях речи остается в центре внимания лингвистической науки несмотря и на то, что в самых последних работах по общей морфологии рядом авторов (Е.В. Клобуков, 1979; И.А. Мельчук, 1997, В.М. Плунгян, 2000 и др.) части речи совсем не упоминаются. Описание ЧР в различных языках, разыскание тех пучков функционально-грамматических свойств, грамматических оппозиций, которыми характеризуются ЧР в разноструктурных языках, продолжает оставаться одной из актуальных задач сегодняшнего языкознания. Это связано с тем, что понятие ЧР как объективной классификации слов исключительно ценно для создания экономных и адекватных описаний языков и лежит в основе практической характеристики (значит, изучения, усвоения) любого языка. Именно в аспекте лексико-грамматических классов слов следует вести, в первую очередь, сопоставительные исследования, ибо типологические, морфологические особенности разносистемных языков (например, татарского и русского), с одной стороны, ярче всего проявляются в системе ЧР, с другой стороны, именно система ЧР – это концепты, имеющие максимально общего, единого для большинства языков.

Сложность проблемы ЧР, получившей название «вечной», прежде всего состоит в противоречивости и взаимоисключающем характере принципов, по которым проводится классификация частей речи. Некоторые лингвисты утверждают, что существующая традиционная схема классификации ЧР не совершенна и противоречива, что в свою очередь является имманентным свойством языка, и что стоит вообще отказаться от вопроса классификации ЧР.

Актуальность нашей темы определяется сложностью и спорностью вопроса о ЧР как в русском языкознании, так и нерешенностью многих проблем в татарской морфологии, где имеют место логические несоответствия и ряд нераспутанных узлов, также недостаточной разработкой отдельных классов слов в обоих языках. Актуальность темы связана еще с необходимостью описания объекта на основе достижений в различных областях современной лингвистики, особенно в плане функционально-коммуникативных, ономазиологических, когнитивных и количественных характеристик. Попытки современной методологии науки выработать новую теоретико-познавательную ориентацию, что сопровождается постепенным переходом от имманентного рассмотрения языка «в самом себе и для себя» к его изучению в тесной связи с сознанием и мышлением, предметно-практической деятельностью человека, несомненно находят отражение и в аспекте «вечной проблемы» частей речи.

Сопоставительное изучение татарского и русского языков (особенно в части классификации ЧР) до настоящего времени страдает, в определенной мере, своеобразной статичностью – изучается, в основном, только система языка в застывшем виде, а язык в действии, в живом употреблении, в фун-

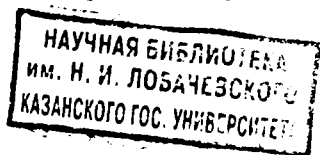
кционировании находится часто вне поля зрения исследователей.

Мы ставим себе основной целью описание ЧР в татарском и русском языках не только для того, чтобы еще раз продемонстрировать морфологические отличия двух разносистемных языков; для нас более важным оказался момент общих принципов и закономерностей, единых подходов к ЧР, что, в свою очередь, связано с ведущим в сегодняшнем языкознании подходом к частям речи как к элементам функционально-понятийной сферы. Системно-функциональный подход к ЧР в разноструктурных языках в первую очередь обусловлен единством принципов и критериев при группировке классов слов. В то же время такой единый концептуальный подход вовсе не исключает фактор неоднородности и разнородности в самой системе ЧР татарского и русского языков. При примерно одинаковых схемах систем ЧР этих двух языков имеют место расхождения и различия в подсистемах различных классов слов и в их основных грамматических характеристиках. Например, в языках определяются почти одни и те же ЧР, но эти ЧР отличаются количеством грамматических категорий и характером обязательной выражаемой информации, количеством членов грамматической категории и т.д. Слова Ф. де Соссюра: «единство отдельного языка как объекта изучения есть нечто поверхностное, тогда как различия языков таят в себе глубокое единство» (1933, с. 103) точны и четко отражают суть языковых особенностей и в сфере ЧР. Сравнение ЧР двух языков дает возможность выявить принципиальное сходство и однопорядковость характера языковой репрезентации семантических категорий.

Очевиден интерес к теме настоящего исследования также в плане общей проблематики языковых универсалий, носящих вероятностный характер: общие закономерности развития языка как средства общения, глубинные отношения между языком и мышлением, существование общих законов конструирования и функционирования человеческой речи отражаются именно на дифференциации классов слов, ибо классы слов (ЧР) своего рода средства и способ познания различий окружающего мира, их категоризации.

Не претендуя на открытие новых, не выделявшихся до сих пор ЧР, свою задачу видим в уточнении, обобщении, схематизации и объяснении различных классов слов в двух языках с точки зрения смысла и функционирования ЧР в речи и с позиций некоторых современных лингвистических интерпретаций. Продолжают оставаться актуальными слова Л.Р. Зиндера: «по-новому истолковать какое-нибудь явление, может быть, не менее важно, чем открыть его» (1966, с. 64). Мы попытаемся вскрыть логику противопоставлений, зафиксированных традиционной схемой ЧР, очистить эту схему от непоследовательностей, имеющих место, например, в татарском языкознании.

Наше исследование посвящено описанию системы ЧР татарского и русского языков как понятийно-функциональных разрядов, как групп слов, являющихся проекцией в мир языка разных по своей сути или по их восприятию человеком объектов и явлений действительности. ЧР, составляющие основу грамматического строя языка, расчленяют и обобщают отра-

женный в сознании людей действительный мир. Посредством ЧР человек дифференцирует вещи, их признаки, действия, отношения и т.п., т.е. выявляя различия в окружающей действительности, осуществляет категоризацию ее; ЧР, являясь важнейшим способом познания действительности, являются одновременно и интерпретацией этой действительности. Наше исследование ЧР включило в себя различные виды тестирования, анкетирования большого числа респондентов, так как для нас большой интерес представлял и следующий аспект: как то или иное слово, та или иная часть речи воспринимаются и понимаются носителями языка, отражением или интерпретацией какого явления-качества окружающего мира они являются. «Языковед должен анализировать только тот образ, который всплывает у говорящего и слушающего при произнесении слова в процессе речи» (Пешковский А.М., 1956, с. 71). Включение в исследование приемов психолингвистики позволяет более четко представить картину «поведения» ЧР в речевом пространстве.

Кажущаяся, на первый взгляд, противоречивость в постановке вопроса (части речи — единицы языка, функционирование же слов — это аспект речи) таковой вовсе не является, ибо противоположность языка и речи, очень ценная и максимально очевидная, уже давно преодолевается при помощи других категорий, одной из которых является текст. Поэтому мы исследовали ЧР, в первую очередь, на основе текста, «языка в действии». Язык (в соответствии с положением одного из современных крупнейших лингвистов Ю.Н. Караулова) нам дан в трех ипостасях: в системе, текстах, языковой способности индивидов, — языковые картины мира должны быть в перспективе представлены во всех этих ипостасях. ЧР татарского и русского языков мы стремились описать именно во всех названных аспектах: как систему, как функционирование различных классов слов в речи, в тексте; несколько видов психолингвистических исследований позволили нам выявить ряд особенностей восприятия ЧР носителями языков. Основным фоном исследования была классификация ЧР, для нас важно было выяснить: как (на каких основаниях) возникают различные классификации ЧР и как влияют понятийно-логические, также функциональные особенности слов на их квалификацию, т.е. как отражаются функциональные характеристики ЧР в их классификации. Изучение текстов (русских и татарских прозаиков) как готовых, сложившихся речевых произведений можно рассматривать как изучение языка в действии: текст выступает как результат использования системы языка и каких-то ее строевых элементов.

Термин «функционирование ЧР» в нашем понимании служит обозначением выполняемого ими назначения, т.е. это не только употребление ЧР в текстах, это и употребление ЧР в конкретной коммуникативной единице в определенной позиции, это реализация лексических и грамматических значений слов, в том числе и взаимопроникающие явления; функционирование ЧР, по-нашему, это и участие их в речемыслительных операциях.

В исследовании важным принципом следует обозначить многоаспектность, т.е. ЧР для нас представляют интерес и как проекция в язык явле-

ний-объектов окружающего мира, и как структурное целое, состоящее из нескольких ярусов, и как инструмент восприятия, распознавания тождественности-нетождественности элементов действительности, и как функционирование языковых единиц в речи и текстообразовании. Таким образом, наша работа следует интегративным тенденциям лингвистических направлений, представляет собой наметившееся в современных исследованиях стремление отказаться от противопоставления структурно-системного и функционально-коммуникативного подходов к языку.

Цели и задачи исследования

Основными целями исследования являются: 1. Описание частей речи разносистемных татарского и русского языков в системно-функциональном аспекте, уточнение, обобщение и конкретизация традиционных и современных лингвистических понятий в теории ЧР, их классификации. 2. Описание живых процессов взаимодействия системно-функционального преобразования слов и влияние их на классификацию частей речи.

Поставленные цели определили и задачи исследования:

1. Дать обзор истории развития грамматической теории о частях речи в русском и татарском языкознании.
2. Охарактеризовать теоретические основы выделения частей речи в современном русском языкознании, выявить основные, ведущие критерии в дифференциации различных классов слов.
3. Описать систему ЧР татарского языка в свете современных лингвистических исследований и в свете многоаспектности характеристики слов.
4. Дать лингвистическое описание явлений переходности как одной из закономерностей в системе ЧР двух языков.
5. Отграничить явления переходности в системе частей речи от смежных языковых явлений.
6. Дать количественную характеристику ЧР двух языков, выделить основные закономерности употребления ЧР в художественных текстах.

Научная новизна исследования состоит в нетрадиционном подходе к ЧР в разноструктурных языках как к отвлеченным понятиям, к способам отражения результатов человеком именуемых объектов, их свойств, действий, отношений и т.д. ЧР в исследовании выделяются не на основе одновременного учета трех классических принципов, часто взаимоисключающих друг друга, а на основе иерархии критериев квалификации, вершиной иерархии, по автору, является смысл, значение слов. Логико-понятийная основа, семантика ЧР – главное в квалификации различных классов слов не только для агглютинативного татарского, но и для четко маркированного морфологически русского языка. Впервые части речи двух языков описаны на основе многоаспектной характеристики слов, при этом системно-структурное и коммуникативно-функциональное даны не в противопоставлении, а как единое целое. Новизна работы заключается также в том, что квалификационные аспекты в характеристике ЧР исследованы с учетом и количественных, и психолингвистических факторов (восприимчивости, употребляемости, частотности слов в различных текстах и др.). Самые спорные

и сложные вопросы русской и татарской морфологии: о переходных явлениях и о степенях переходности; вопрос о местоименных словах в системе ЧР; о противопоставлении номинативных и служебных слов; предикативных и модальных слов; «существительных-прилагательных-наречий» в татарском языке и т.д. – решаются с точки зрения системно-функционального подхода на основе богатого теоретического и фактологического материала. Изучение ЧР как концептов, как речемыслительных образований, приводит нас к пониманию систем ЧР в татарском и русском языках как к результату взаимодействия в речевом пространстве всех аспектов языковых категорий: системного, семантического, функционального, формально-грамматического, коммуникативно-информационного.

В исследовании:

- подробно проанализированы вопросы истории развития теории частей речи в общем и татарском языкознании;
- определены теоретические основы и критерии выделения классов слов с различных точек зрения; предложен иерархический принцип построения критериев выделения ЧР, по которому ведущая роль отводится смыслу и понятийному;
- дана попытка решить самые спорные и трудные вопросы ЧР в татарской морфологии, в частности, отношения типа «существительное-прилагательное», «прилагательное-наречие», «предикативные слова», «модальные слова»; также ЧР в русском языке (местоименные слова, категория состояния, вопрос о «незнаменательных» и модальных словах);
- предложены критерии определения типов переходности в системе частей речи;
- выработаны приемы и пути анализа функционирования классов слов, определены основные закономерности воспринимаемости и употребляемости частей речи в художественных текстах.

Теоретическая и практическая значимость: диссертационное исследование основано на лингвистической традиции, складывавшейся в отечественной науке в течение многих десятилетий, и является естественным продолжением этой традиции. Ценность исследования состоит в том, что работа является определенным вкладом в разработку (вернее, в уточнение и обобщение) учения о ЧР татарского и русского языков; в той или иной мере по-новому, в свете современных отечественных лингвистических теорий, освещает классы слов в обоих языках. Выводы и положения диссертации могут найти применение в разработке, уточнении и обобщении данных о системе ЧР татарского и русского языков, в описательной и сопоставительной грамматике. Материалы по количественной характеристике татарских прозаических текстов могут войти составной частью Частотного словаря татарского языка.

Практическое значение работы в том, что материалы исследования могут быть полезными в уточнении и усовершенствовании учебников по морфологии обоих языков, в лексикологической и переводческой практике (при описании лексических единиц и принципов расположения их в словарях

различного типа, например, татарского языка). Коммуникативная ориентация сопоставительного исследования, с его направленностью на практику обучения может позволить данные работы использовать при обучении русских татарскому, татар- русскому языку, при составлении пособий-разговорников.

Методология и методика научного исследования

В работе описание частей речи татарского и русского языков проводится на основе достижений традиционной отечественной лингвистики и современных исканий сегодняшнего языкознания.

Методологической основой послужило понимание языка как важнейшего средства коммуникации (язык как смысловразличительная коммуникативная деятельность человека), хранения и передачи информации. Язык – мышление (сознание) – действительность – восприятие; соотношение логики и грамматики и т.п. – основные контуры для решения этих проблем намечены еще в трудах Гумбольдта и А. Потебни, позднее – в работах А.Ф. Лосева. Наметившийся в современной лингвистике поворот от имманентной ориентации в изучении языка в «самом себе и для себя» к логико-функциональной позволяет ввести в арсенал методологических средств категорию понимания. Анализ системы ЧР, в конечном счете, должен быть анализом классов слов, а «проанализировать слово до конца – значит вскрыть всю систему категорий, которой работает человеческий ум, во всей их тесной сращенности и раздельном функционировании» (Лосев А.Ф., 1990, с. 161). Между значением и функцией языковых единиц существует внутренняя имманентная связь, но они не тождественны. В языке сущностное и функциональное слиты воедино, так как он (язык) представляет собой важнейшее средство общения и непосредственную действительность мысли.

Методологической базой нашей работы явились труды А.А. Шахматова и В.В. Виноградова, заложившие одну из наиболее плодотворных идей в русской лингвистической традиции – идею взаимодействия лексики и грамматики. Концептуальный аппарат исследования основывается на установлении единого стандарта сравнения, применяемого к двум языкам независимо от их структурно-типологической принадлежности, так как части речи приняты прежде всего как понятийно-универсальные категории.

Проведение исследования на основе количественного анализа многих языковых явлений, использование которого помогает добиться точности данных, достоверности выводов, позволяет подвести под лингвистическое исследование надежный фундамент. Взаимодействие единиц различных классов, а также ряд пограничных и пересекающихся проблем: переходные явления в системе ЧР, вероятностный и динамический характер классов слов описываются на основе богатого фактического материала, взятого из произведений авторов-классиков, фольклорных и публицистических текстов, из разговорной речи (всего 50 тысяч примеров).

В работе применены методы лингвистического описания, функционально-логической интерпретации, методы контрастивной лингвистики, статистический метод. Работа была проведена с широким применением анкетиро-

вания, аудиторского анализа, т.е. с применением разных форм лингвистического эксперимента, психолингвистических исследований, ибо мы считаем, что для современного понимания ЧР (и слов) важным является момент восприятия: «тайна слова заключается именно в общении с предметом и в общении с другими людьми. Имя предмета – арена встречи воспринимающего и воспринимаемого, вернее, познающего и познаваемого» (Лосев А.Ф., 1990, с. 48-49). В реферируемой работе был применен ряд технических приемов и процедур, к которым отнесены: изучение научного наследия, наблюдение, составление таблиц, опрос информантов, составление картотеки и др.

Апробация результатов исследования проводилась в течение пятнадцати лет при чтении автором работы курса «Современного русского языка. Морфологии» и курса «Теории языка» на филологическом факультете Елабужского госпединститута, при ведении ею спецкурсов и спецсеминаров. Результаты исследования были предметом обсуждения на Международной тюркологической конференции (г. Казань), Всесоюзных и Всероссийских конференциях (Махачкала, Армавир, Уфа, Йошкар-Ола, Казань, Набережные Челны, Альметьевск и др.). В течение последних трех лет по материалам диссертации автор читала курс «Сопоставительной грамматики татарского и русского языков» перед учителями татарского языка в русских школах и учителями русского языка в татарских школах (ИНПО). Многие идеи научного исследования реализованы в курсовых и дипломных работах студентов-филологов.

Основные положения и идеи диссертации опубликованы на страницах республиканских изданий, во Всероссийских научных сборниках г. Тулы, Йошкар-Олы, Уфы, Казани и др. (около 30 статей и тезисов, 2 монографии и 4 учебно-методических пособия).

Структура диссертации определяется ею целью и основными задачами. Диссертационное исследование насчитывает 380 страниц, иллюстрированных 22 таблицами. Работа состоит из Введения, пяти глав и Заключения, библиографии, включающей в свою очередь 350 наименований лингвистических источников.

Во Введении автор ставит проблему, аргументирует выбор темы исследования, определяет актуальность, научную новизну, практическое значение и методику исследования, формулирует основные подходы и положения диссертации.

В первой главе «История исследования частей речи в общем языкознании» дается аналитический обзор пути русского и татарского языкознания (частично — мирового), лингвистических традиций и теорий в сфере частей речи, трактовок ЧР как классов слов, излагается вклад различных лингвистических направлений и школ, отдельных языковедов и их трудов в становлении теории частей речи, начиная с древних грамматик, заканчивая сегодняшними академическими и коммуникативными грамматиками татарского и русского языков.

Во второй главе «Теоретические основы выделения частей речи в со-

временном языкознании и система ЧР в русском языке» подвергаются анализу основные направления и тенденции в описании и классификации ЧР в современной русской лингвистике; на основе характеристики всевозможных критериев обосновывается принцип иерархичности в квалификации слов, дается обоснование системно-функционального подхода как теоретической основы трактовки ЧР русского языка, предлагаются решения сложных квалификационных проблем системы частей речи.

В третьей главе «Система частей речи современного татарского языка» представлена многоаспектная классификация различных классов слов как представителей, структурных элементов общей системы ЧР, на основе анализа существующих современных татарских грамматик уточняются, обобщаются и детализируются спорные вопросы морфологии татарского языка и теории ЧР.

Четвертая глава «Переходные явления в системе частей речи русского и татарского языков»: освещаются сложные процессы функционального взаимодействия единиц различных классов слов и влияние этих процессов на классификационный материал. Описываются основные закономерности в переходном употреблении ЧР, дается попытка отграничить явления переходности от омонимии, многозначности и синтаксической транспозиции разных ЧР.

В пятой главе «Квантитативная характеристика частей речи русского и татарского языков» автор на основе статистических исследований художественных текстов (в основном — прозы) анализирует активность употребления разных ЧР и их способность заполнить текст, также частотность отдельных лексем, пытается найти общие и специфические закономерности в функционировании ЧР в текстах прозы, определить основные тенденции в количественной характеристике различных классов слов двух языков.

В заключении содержатся выводы, рекомендации и предложения по использованию результатов исследования, отмечаются перспективы дальнейшей работы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

1. Проследить динамику подходов к определению частей речи в истории языкознания и смену акцентов в выборе их критериев — очень важная и серьезная задача, которую стремились решить многие лингвисты (В.В. Виноградов, Н.С. Поспелов, А.Е. Супрун, О.П. Суник, Е.С. Кубрякова, В.М. Киприянов, В.М. Алпатов, О.В. Петрова и др. в русском языкознании; З.М. Валиуллина, Д.Г. Тумашева, М.З. Закиев, Р.А. Юсупов, Ф.С. Сафиуллина и И.Г. Мифтахова и т.д. — в татарском). Несомненны роль и значение трудов этих лингвистов, но в большинстве этих работ дается история или грамматических исследований в целом, или только отдельного периода в истории языкознания, или история изучения отдельных ЧР. Задача же монографического исследования истории развития теории ЧР, включающей как древние, так и самые современные исследования, остается одной из актуальных задач сегодняшней лингвистики.

Одной из центральных теорий языкознания на протяжении его истории оставалась теория частей речи. Сам термин «часть речи» и латинский «*partes orationis*» представляет буквальный перевод (кальку) греческого термина, первая часть термина — множественное число от слова «часть», второй компонент — многозначное слово, означающее «высказывание», «словесное выражение» или «предложение». Этот термин мы встречаем сейчас в самых разнообразных исследованиях, и нередко термин «часть речи» в разных публикациях означает совершенно неадекватные понятия, но сам состав ЧР в основном повторяет классическую частеречную номенклатуру. Существование самого разнообразного круга терминов, имевших место в лингвистике, таких, как «*части предложения*», «*части слова*», «*части словесного изложения*», «*виды слов*» и др., видимо, привело к тому, что закрепилось слово «часть речи», по сути дела, являющееся не совсем удачным для обозначения различных классов слов. (Часть речи — это не совсем «часть» и не совсем часть «речи»). Впервые термин «часть речи» в русской грамматике появляется в работах А.А. Барсова. Татарский термин *суз төркеме* (буквальный перевод: «группа слов») был выбран очень удачно и явился полным эквивалентом того понятия, которое подразумевается. Многообразие терминов в теории ЧР имеет свои корни — это следствие мотивов и интересов, задач и установок авторов каждой отдельно взятой системы ЧР, существующих на фоне научной парадигмы своего времени, своего этапа развития науки.

В трудах первых русских лингвистов, которые обратились к вопросам дифференциации ЧР, нашли отражение лучшие черты мировой лингвистической традиции. О частях речи писали древнеиндийские грамматисты Панини и Гуру, древнегреческие философы Платон и Аристотель, стоик Вавилонский, александрийцы Д. Фракийский и Д. Галикарнакский, римские грамматисты М.Т. Варрон и Присциан, арабский языковед Сибавейхи и др. Количество ЧР в их работах указывалось разное: 3 — у Аристотеля, затем у Варрона и арабов, 4 — у Панини и у стоиков, у Яски — 5, у Аристарха и Фракийского — 8 и др. На самих ранних этапах изучения и описания грамматической системы языка всякое подмеченное своеобразие разных групп слов приводило к выделению их в самостоятельный класс. По традиции «части речи» и «члены предложения» переплетались, а иногда отождествлялись с членами суждения — категориями не грамматическими и не риторическими, а категориями логики. Что касается основного критерия, который мог считаться ведущим при распределении слов, его вкратце можно определить значением (как имело место у индусов), формой (как у александрийцев) или функцией (как у Аристотеля).

В российском языкознании впервые вопросы о ЧР были проанализированы в трудах гения русской науки М.В. Ломоносова. Указав в своей «Российской грамматике» 8 ЧР, выделяющихся на основе того, что и как «знаменуют» разные «части слова», Ломоносов заложил основы традиционного логико-семантического направления в русской лингвистике; в семантическое описание ЧР он вплел и элементы словоизменения. А.А. Барсов, И.Ор-

натовский, Н.И. Греч продолжали и развивали ломоносовское учение о ЧР, в их работах грамматические, словоизменительные свойства частей речи приобретают более четкую и дифференцированную характеристику. Г.П. Павский, К.П. Зеленецкий, вслед за М.В. Ломоносовым, связывают ЧР с вопросами философии языка, исходя из семантического подхода к ЧР.

В трудах А.А. Востокова, В.Г. Белинского понимание ЧР изменяется: ЧР начинает восприниматься не как логико-семантическая группировка слов, а как грамматический разряд.

В становлении учения о ЧР особое место занимают труды Ф.И. Буслаева: историческая по материалу, логическая по теоретическим положениям, с пристальным вниманием к синтаксическим свойствам слов, его грамматика заложила основы современной точки зрения на ЧР. А.А. Потебня, критикуя логицизм Ф.Буслаева и подчеркивая психологическую сущность речетворчества и примат предложения над словом, утверждал, что в языке есть не только означающее, но и означаемое и что имеется два рода значений – реальное и формальное, т.е. у него был принципиально иной подход к делению слов на знаменательные и служебные ЧР (хотя члены предложения и части речи оставались неразграниченными и у Буслаева, и у Потебни).

Д.Н. Овсяннико-Куликовский предложил классификацию ЧР по степени убывания знаменательности и возрастающей формальности, т.е. «формальное значение» слов в его построениях частей речи выходило на первый план. Чисто грамматический, формальный подход к ЧР получил окончательно заверченный вид в схемах Ф.Ф. Фортунатова. ЧР как категории грамматические, по Фортунатову, представляли несколько отвлеченные и идеализированные классы слов, но его чисто формальный подход не мешал ему прийти к точной классификации «полных» и «частичных» слов, группы которых почти совпадали с классическими знаменательными и служебными словами.

Общее направление в подходе к ЧР от Ломоносова до Фортунатова можно было бы изобразить схемой, представляющей из себя логико-семантическое с элементами формоизменения, дальше с возрастающей ролью грамматико-формального и, наконец, чисто формальное с элементами семантического.

А.М. Пешковский, одним из первых в русской лингвистике, признает части речи не просто как классы слов, а как объективные категории, реально существующие в языке. Стремясь синтезировать точки зрения формально-морфологической школы с взглядами тех ученых, которые видели семантическую подоснову классификации ЧР, А.Пешковский отождествляет ЧР с основными категориями мышления, придавая при этом немалое значение психическим ассоциациям.

Несомненно важным этапом в развитии теории ЧР явился «Синтаксис русского языка» А.А. Шахматова. Включая ЧР в один из «отделов» синтаксиса, ученый семасиологические основания для различения ЧР рассматривал как более глубокие, нежели синтаксические и морфологические. Не-

смотря на ряд неточностей в классификации (очерченный им круг наречий оказался слишком широким, и были выделены префиксы как служебные ЧР), теоретические положения А.А. Шахматова оказались самыми близкими к современным толкованиям в теории ЧР. Именно семасиологические и синтаксические особенности слов («соподчинение одних частей речи другим») были положены в основу классификации ЧР и В.А. Богородицким.

Статью Л.В. Щербы «О частях речи в русском языке» следует назвать компактной и усовершенствованной «мини-морфологией». Точка зрения на ЧР как на группы слов, выделяющиеся на основе семантических, грамматических и словообразовательных признаков, в его статье получает завершенный и цельный облик. В свою логически последовательную и точную классификацию ЧР он гипотетически включает и слова категории состояния, которые потом стали поводом для лингвистических споров в течение десятков лет.

Наше понимание ЧР очень близко к концепции Л.В. Щербы. Остановимся на знаменитой его фразе: «Впрочем, едва ли мы потому считаем *стол*, *медведь*, за существительные, что они склоняются; скорее мы потому их склоняем, что они существительные» Эта цитата приводится в сотнях работ по морфологии, но, как нам кажется, смысл данного высказывания так и до конца не определен. Возникает вопрос: если *стол*, *медведь* «не потому существительные, что они склоняются», почему же они все-таки являются существительными? На наш взгляд, Л.В. Щерба в своей статье как бы отвечает следующим образом: «Почему? Потому что они есть существительные!» Таким образом, по Щербе, части речи – это заранее заданный некий абсолют, само собой разумеющаяся истина; мы же, развивая мысль лингвиста, констатируем: *стол*, *медведь* означают существо (субстанцию), поэтому являются существительными: смысл, понятийное выдвигается на первый план. «Внешние выразители» категории (т.е. части речи), дифференциальные признаки, для автора, присутствуют как опознавательные знаки для восприятия ЧР, существующих независимо от семантических и формальных средств.

В трудах последующих авторов, И.И. Мещанинова и др., так или иначе развиваются положения их теоретических предшественников. Г.О. Винокур, В.И. Сидоров, М.Н. Петерсон, Д.Н. Ушаков продолжали развивать и творчески интерпретировать положения и идеи морфологической школы Ф.Ф. Фортунатова. Если у Винокура подчеркивается приоритет морфологических свойств ЧР, то для Сидорова характерно стремление описать функциональные свойства слов на основе их формальных значений. Трудно согласиться с преувеличенным представлением И.И. Мещанинова о роли членов предложений в становлении ЧР, тем не менее, его мысли о лексических группировках слов, стремление внести ясность в грамматические термины и понятия, несомненно, оказали прогрессивное влияние на развитие теории ЧР. Л.А. Булаховский предлагал два параллельных подхода к классификации ЧР: семантический и формальный, причем формальные признаки, по его точке зрения, дополняли семантическую квалификацию слов.

Современная схема ЧР, принятая в большинстве вузовских и школьных учебников, была выработана лингвистом-энциклопедистом В.В. Виноградовым. Развивая учение Л.В. Щербы о ЧР, Виноградов создал четырехступенчатую классификацию ЧР, включающую категории-серии слов по линии убывания их лексико-грамматических свойств. «Части речи», «частицы речи», модальные слова, междометия и звукоподражания были выстроены ученым в четкую схему, представляли основные структурно-семантические типы слов.

И.И. Мещанинов, В.М. Жирмунский, позже Мигирин В.Н. и др. отрицали самостоятельность слов категории состояния и модальных слов, выделенных В.В. Виноградовым, но для абсолютного большинства последующих грамматических построений именно его схема ЧР стала образцом и эталоном.

Татарское языкознание (в том числе – и учение о частях речи), имеющее историю более чем в двести лет, развивалось под сильным влиянием индоевропейской (часто-русской) и восточной (арабской) грамматик. В первых татарских грамматиках И.Гиганова, И.Хальфина, А.Троянского, М.Иванова указываются классические 8 частей речи, выделяющиеся на основе значения и изменяемости. Заслугой этих работ следует назвать включение в круг материала данных из русского и из других тюркских языков. У А.Казем-Бека указаны уже 9 ЧР (имена распадаются на существительные, прилагательные и числительные), очень подробно проанализирован глагол, «душа речи», даны четкие отличия русских предлогов и тюркских послелогов.

В татарских грамматиках конца 19 века (Х.Фейзханов, К.Насыйри) влияние арабских грамматических традиций было заметно как в терминологии, так и в количестве указанных ЧР (3–4). При определении частей речи для К.Насыйри важными были значение и грамматические формы слов (например, время – для глагола).

Грамматические труды начала 20 века А.Максуди, Г.Нугайбека, Г.Сагди, Г.Ибрагимова друг друга не повторяли; у большинства авторов на первое место при классификации ЧР выводился семантический план, у других (Г.Сагди) – синтаксический аспект, третьи (Г.Ибрагимов) в морфологию внесли удачные лингвистические термины. Дж.Валиди, Г.Чыгтай, М.Курбангалиев и Р.Газизов продолжали развивать основы практической морфологии, хотя ничего нового в теорию ЧР ими не внесено.

«Формальная татарская грамматика» Г.Алпарова, которую, видимо, можно назвать своеобразным эхом формально-структурального направления в мировом языкознании, стала новой вехой в разработке классификации ЧР татарского языка. Его схема ЧР, выделенная «с внутренней» и «с внешней» стороны слов, включает известные 9 ЧР, к которым он подходит с совершенно иных позиций. Г.Алпаров указывает на тесную связь выделения ЧР с их словообразовательными возможностями. То, что служебные слова в его классификации получили очень нечеткую оформленность, объяснялось как раз отсутствием у последних форм словоизменения и деривации.

онных потенций.

Один из ярчайших представителей КЛШ В.А. Богородицкий вошел в историю и татарского языкознания как автор оригинальной классификации частей речи. Критиковавший сугубо формальный подход к ЧР, Богородицкий подчеркивает важность материально-смыслового момента в распределении слов на ЧР, при этом указывает на валентные свойства слов и на их словообразовательные суффиксы. Выделение ученым предметных и глагольных ЧР, их подклассов, замеченная им нечеткость предметных и признаков слов и т.п. определили основные контуры современного понимания татарских ЧР.

С 50-х годов начинается работа по составлению научных современных грамматик. Труды Н.Хангильдина, Д.Г. Тумашевой, в которых семантико-грамматическая классификация ЧР была произведена с учетом новых лингвистических достижений своего времени, легли потом в основу коллективных грамматик и учебников. «Современный татарский литературный язык» 1969 г., учебник, выпущенный учеными Казанского госпединститута в 1972 г., и вузовскую морфологию Д.Г. Тумашевой следует считать одними из лучших работ, в которых классификация ЧР была выстроена уже не просто на основе учета трех классических признаков слов, но и на особенностях выражения общеязыковых категорий.

В сегодняшних грамматиках и учебниках татарские лингвисты (Д.Г. Тумашева, Ф.А. Ганиев, Ф.С. Сафиуллина, М.З. Закиев и др.) стремятся дать современное толкование ЧР татарского языка: подчеркивается значение функционально-семантических категорий, особенности функционирования языковых элементов в речи и т.п. Но очевидно «узким местом в изучении грамматики является состояние исследовательской работы по морфологии» (Ф.Ганиев), ибо самые сложные и спорные вопросы в классификации ЧР татарского языка так и не нашли своего научного решения.

В целом же можно констатировать, что и в русском, и в татарском языкознании учение о ЧР развивалось в рамках трех основных направлений: семантического, формально-морфологического, лексико-грамматического. Причем эти направления в чистом виде выступали очень редко, стремление синтезировать, объединять одновременно несколько подходов к частям речи заметно было в лингвистической традиции в течение нескольких веков.

Основные споры и противоречия в учении о ЧР сводились к следующим моментам: 1) не был найден единый критерий, позволяющий объединить знаменательные и служебные ЧР в общую схему; 2) вопрос о местоименных словах, числительных, словах категории состояния и модальных словах в системе ЧР так и не нашли общей единой трактовки; 3) переходные явления между ЧР оценивались совершенно по-разному (как омонимия, как синтаксическая транспозиция, конверсия и как гибридные явления).

2. Проблема основных критериев, лежащих в основе квалификации частей речи, продолжает оставаться одним из самых важных вопросов в теории ЧР и в современный период. Самыми распространенными точками зрения следует обозначить *семантический* и *грамматический* подходы к ЧР, по

сути дела, являющиеся развитием и творческим продолжением классических направлений в истории лингвистики. Ряд авторов (Ю.М. Скребнев, В.М. Жирмунский, А.Н. Савченко, В.Н. Мигирин, Е.С. Дружинина, И.В. Кормушин и др.), которых в основном занимали проблемы языка и мышления, видели в классификации ЧР прежде всего семантико-логическую подоснову; некоторые из них, например, Ю.М. Скребнев, квалификацию ЧР считали лексической классификацией слов. Другие авторы, М.Н. Петерсон, А.А. Реформатский, Н.С. Поспелов, А.А. Леонтьев, А.Б. Шапиро, О.П. Суник, А.Е. Супрун, М.В. Панов, А.Н. Тихонов (в первых своих исследованиях), А.М. Мухин и др. основанием для дифференциации ЧР признавали лишь грамматические категории. Причем *грамматическое* понималось по-разному: для одних, например, И.Е. Аничкова и др., грамматическое – это свойство морфологического порядка; для других (Э.С. Азнаурова, Э.Р. Атаян, Р.М. Гайсина, О.М. Ким и др.) – «синтаксическая специализация».

Более общепринятым стал комплексный подход (Э.В. Кузнецова, В.М. Киприянов, А.Я. Баудер и др., придерживающиеся идей В.В. Виноградова) к ЧР, при котором основой классификации считается одновременный учет семантических, морфологических, синтаксических свойств слов; в большинстве вузовских и школьных учебников предлагается именно такая трактовка ЧР. Такого подхода придерживаются и авторы, признающие логическую противоречивость такой комплексной трактовки ЧР. Если, например, А.С. Чикобава предлагал две самостоятельные классификации ЧР: по семантическим и по грамматическим показателям, И.Г. Милославский, В.А. Белашапова и др. подчеркивают, что без определенных компромиссов прийти к общей классификации ЧР невозможно. Проблема в том, что эти признаки: семантика, морфологические свойства, валентность слов и их синтаксическая роль в предложении – явления разного порядка, они часто противоречат друг другу, привести их к общему знаменателю часто невозможно. В современной русской лингвистике продолжается поиск новых путей в объяснении различий классов слов. Оригинальной попыткой совместить противоречащие друг другу *семантическое* и *грамматическое* в подходах к ЧР явились труды С.Д. Кацнельсона, который, проанализировав речемыслительные и универсально-языковые основания традиционных ЧР, пришел к выводу, что лексическое значение ЧР содержит моменты, определяющие грамматические потенции слов.

Формально-структурный подход к ЧР, трактовка формальных классов, выделявшихся на основе структурных моделей-схем, развивали Ю.Д. Апресян, В.А. Звегинцев, Т.М. Николаева, И.И. Ревзин, Н.Д. Андреев, О.С. Кулагина, Н.Г. Арсентьева, С.К. Шаумян, С. Маркус, Ю.А. Шрейдер и др. Если у одних поиск абстрактных моделей приводил к чисто математическим формулам (С.Маркус), у других, например, у Ю.В. Рождественского и И.И. Ревзина, этот поиск шел с более широким учетом собственно-лингвистического аспекта. Но попытка внедрить математические параметры в классификацию слов по ЧР и создать теоретико-множественные модели вовсе не избавила лингвистов от необходимости выяснить природу ЧР и дать лин-

гвистическое определение этой категории.

С 80-х годов 20-го столетия особую актуальность приобретают функциональный и ономаσιологический подходы к исследованию ЧР. А.В. Бондарко, Ю.С. Маслов и др. развивают теорию функционально-семантических полей; О.В. Петрова систему ЧР исследует как систему функционально-семантических классов слов; Е.С. Кубрякова главным в дифференциации классов слов видит ономаσιологический принцип и подчеркивает, что ЧР – это проекция в мир языка различных объектов-действий окружающей действительности. Чуть позже (1997) части речи в когнитивной трактовке Е.С. Кубряковой предстают как средства и способы обеспечения мыслительного процесса человека. Когнитивный подход к частям речи – один из самых новейших и оригинальных подходов к ЧР в сегодняшней русской лингвистике.

Классификация слов с точки зрения собственно функциональной представлена Н.Ю. Шведовой (1998): слова «означающие» и «именующие», «связующие» и «собственно квалифицирующие», хотя и даны автором не как классификация ЧР, а как классификация слов, в итоге повторяют известную схему, получившую новую логико-лингвистическую интерпретацию. «Новые подходы к пониманию того, что такое часть речи, найдены в рамках онтологически-энергичной концепции языка», — пишут А.М. Камчатнов и Н.И. Николина в одном из последних учебных пособий по теории языка (1999, с. 129). Следуя за концепцией А.Ф. Лосева, авторы выдвигают оригинальные подходы в понимании ЧР. По их мнению, природа языка не в отражении, а в интерпретации, истолковании действительности, «части речи важнейший способ познания и интерпретации действительности» (с. 130).

«Коммуникативная грамматика» (Г.А. Золотова и др., 1998 г.) следует интегративным тенденциям лингвистических направлений. Оценивая функциональность и коммуникативность как сущностные свойства языка, авторы представляют ЧР как способы выражения различных типов предложений. Принципиально важным свойством выводится свойственная каждой ЧР предназначенность служению в предложении и в тексте, предназначенность, потенциальная в системе языка и реализующаяся в речевом пространстве. «Позиционная морфология» М.В. Панова (1999) построена на учете объединяющей слова в одну часть речи грамматической идеи, хотя автором признается проблема «щербанского медведя».

В «Общей морфологии» В.А. Плунгяна (2000) вопросы о ЧР почти не затрагиваются, хотя как бы вскользь автор замечает, что «разбиение на части речи – в конечном счете, разбиение семантическое; но оно непосредственно опирается на формально-грамматические свойства слов» (с. 249). Общий пафос разбиения на ЧР, по Плунгяну, можно определить как последовательную классификацию лексем по их грамматической и неграмматической сочетаемости, с опорой на принцип «концентрического убывания грамматичности». Совместить эти два противоречивых тезиса (семантическое разбиение на ЧР идет по убывающей грамматичности), видимо, можно,

признавая слова, имеющие различные грамматические формы, частями речи, а другие – *клитиками* (своеобразными видами морфем). Отход от вопроса о ЧР в морфологических описаниях особо характерен для работ по формальной морфологии (А.И. Мельчук, Т.В. Булыгина, Е.В. Клобуков и др.).

Таким образом, несмотря на ряд новейших положений и трактовок частей речи в русской лингвистике учение о ЧР нельзя считать доведенным до конца. Несомненно, новые лингвистические направления (функциональная, когнитивная, коммуникативная грамматика и т.д.) внесли ясность во многие спорные моменты в теории ЧР и обогатили классическое учение, тем не менее, в каждом из этих подходов, включая традиционные, остается ряд моментов, не укладывающихся в общую единую схему.

В учении о частях речи в разноструктурных языках, в работах В.Г. Гака, В.М. Алпатова, Р.З. Мурясова и др., являющихся продолжением лингвистических традиций В.А. Богородицкого, Л.В. Щербы, И.И. Мещанинова и т.п., фактор неоднородности критериев выделения ЧР приобретает еще более ярко обозначенный характер. Это связано как с разнородностью самих классов слов в одном определенном языке, так и с своеобразием картин систем ЧР в различных языках. В этом плане четко выделяются два принципиальных подхода. Первый из них (В.М. Алпатов и др.) отрицает универсальный характер схем и критериев ЧР в языках, другой – утверждает единство и общность подходов к частям речи в большинстве языков (О.П. Суник, В.Киприянов и др.). Мы исходим из признания общности основного критерия выделения ЧР в разных языках и универсальности основных ЧР почти для всех языков. Это понимание есть одновременно утверждение примата значения-смысла для квалификации частей речи как классов слов, поскольку именно **смысл, мышление, восприятие являются универсальными понятиями, характеризующими носителя любого языка.**

Системно-функциональный подход к ЧР, трактовка частей речи как элементов единой организованной системы, состоящей из разнородных подсистем и проявляющей свойства составляющих себя элементов до конца лишь при функционировании в речевом пространстве, позволяет объяснить и обобщить с единой точки зрения схемы ЧР в разнородных языках. Многоаспектный подход к ЧР, признание наличия набора дифференциальных признаков и необходимости учета всех этих моментов, вовсе не противоречит основному контуру нашего понимания ЧР. Система ЧР – это исследовательская модель словарной системы языка, призванная смоделировать и отразить реальные отношения между функционально-семантическими типами слов во всем многообразии имеющихся между ними связей.

Рассмотрение ЧР в координате двух аспектов – парадигматического и синтагматического – позволяет осуществить системный подход к классам слов, которые сами представляют систему. В ней есть слова, составляющие ядро части речи как класса слов, есть слова, оказывающиеся на периферии той или иной части речи, т.е. система ЧР русского языка – градуальна: допускает различные степени системности. Язык, как известно, представляет собой необычайно сложную систему: в нем не исключаются, а предпо-

лагаются внутрисистемные связи различного характера. Наличие противоречий, антисистемных явлений в ЧР обусловлено противоречиями в самой языковой действительности, которая, в свою очередь, является проекцией сложнейших отношений в окружающем нас мире предметов и явлений. ЧР выражает не только логические категории, но и свойства акта понимания, восприятия предметов и явлений действительности человеком. Каждое слово есть символ или сигнал определенной информации. Часть речи как совокупность класса таких слов, символизирующих, сигнализирующих и т.п., является общей картиной аналогичных единиц и своеобразной проекцией действий (глагол), субстанций (существительное), качеств (прилагательное) и др. В акте коммуникации и восприятия человеком чего-либо часть речи и ее отдельные представители каждый раз расчленяют, дифференцируют вещи и их качества, говоря по-иному, осуществляют категоризацию различий в окружающем мире.

Языкознание сегодня становится одной из основных наук о мышлении, интеграция языкознания и логики заключается в исследовании семантических значений с точки зрения форм мысли, при этом становится бесспорно ясно: классификация ЧР должна строиться с учетом именно семантико-понятийных категорий, по-другому, части речи должны рассматриваться как классы слов, являющихся языковыми способами представления мыслительного содержания в значениях языковых единиц.

Слова с этой точки зрения делятся на три категории: слова, выражающие понятия, из которых складывается мысль; слова, устанавливающие различные отношения между этими понятиями; слова, с помощью которых выражаются не только понятия, но и отношение к высказываемому. Данное деление полностью соответствует типам языковых значений: обычно выделяется 2 типа информативных языковых значений: логико-предметные и эмоционально-оценочные. Содержательных единиц в рассматриваемом типе у классификаций русских слов три: предмет (существительное, отдельные разряды местоимений), признак (прилагательное, отдельные разряды местоимений, числительных, наречие, категория состояния) и действие (глагол). Именно эти части речи составляют ядро, стержень системы классов слов в русском языке, следуя традиции, назовем их «**номинативными словами**». Вслед за Н.Д. Арутюновой (1988, с. 5) основную функцию таких номинативных слов будем называть символизирующей: они являются символами предметов-признаков-действий окружающего нас мира. Этот основной круг ЧР «обслуживается» другим кругом вспомогательных слов, служебными словами – это модальные слова, частицы, предлоги, союзы, междометия. Служебные лексемы, в отличие от знаменательных, образуют континуум между уровнем слов и уровнем морфем в ярусной стратификации языка. В таком сближении отражается и понимание синтагматической несвободы, присущей морфемам и служебным словам, и наличие у тех и других самостоятельного (функционального, информативного, коммуникативного) значения – эти слова назовем «**релятивными**». В отличие от символизирующих слов, релятивные слова имеют в основном *сигнализирующую*

щую функцию, т.е. дают сигналы об определенных связях-отношениях между словами или об отношениях сказанного к действительности и т.п.

«Вечный» вопрос о местоименных словах (номинативные или релятивные это слова) может быть решен именно в таком функционально-системном ракурсе. Нет никаких оснований, даже чисто грамматических, для разбиения местоименных слов на собственно местоимения и наречия, так как изменяемость первых и неизменяемость вторых – характеристика не универсальная, например, в русском языке есть и местоимения неизменяемые *некто*, *нечто*. Все местоимения: *кто*, *что*, *какой*, *где*, *как*, *куда*; *все*, *всякий*, *везде*; *ты*, *такой*, *так* и *там* и др., не являясь номинативными, способны иметь смысл, восходящий при этом к самым глобальным понятиям окружающего мира; способны дифференцировать, расчленять действительность своими значениями (*кто* – *некто* – *никто*). Уже одно то, что вопросы, посредством которых человек воспринимает и познает мир, чуть позже начинают учить части речи по ним, подтверждает тезис об уникальном едином характере всех местоименных слов. Таким образом, мы считаем, что русские местоимения включают в себя местоимения-существительные (*кто*), прилагательные (*какой*), числительные (*сколько*) и наречия (*как*). Традиционное выражение «местоимения ничего не обозначают, а лишь указывают» не точно, ибо эти слова и обозначают и указывают.

В некоторых современных работах в качестве частей речи выделены лишь 4: существительное, прилагательное, глагол, наречие (Курилович Е., 1964; Васильева А.К., 1973 и др.). Мы же исходим из признания и местоимений, и числительных как особых частей речи потому, что они участвуют в выражении понятий-символов предметов и признаков, причем уровень выражения таких типов значений у этих слов более обобщенный, абстрагированный, а значит и более емкий.

Что же касается слов категории состояния, одной из самых спорных частей речи, наша позиция близка к концепции Л.В. Щербы, В.В. Виноградова: в современном русском языке, действительно, следует выделять особую знаменательную часть речи «КС». (КС выделяется в качестве единого дистрибутивного класса лишь в вузовских учебниках, ни в школьной, ни в академической грамматике предикативы как отдельная ЧР не рассматриваются.) В последние годы в лингвистической литературе намечается явная тенденция отрицания слов КС как самостоятельного класса слов. (См. об этом: Энциклопедия «Русский язык», 1998; А.В. Циммерлинг, 1998 и др.). Мы считаем, что первый и самый основной критерий выделения классов слов – понятийный – участие слова в речемыслительных операциях позволяет отличить слова этой группы от остальных частей речи благодаря исключительно значению их, это слова, означающие, символизирующие различные состояния. В предложениях *Мне стало легко* и *Я был легко одет* в первом случае слово *легко* означает состояние, т.е. сама категория понимания и возможность интерпретировать слово расчленяют в нашем сознании типы значений этих слов (во втором случае *легко* – это признак предиката). Трудно согласиться с мнением многих авторов относительно того, что пре-

дикативы – это особая группа наречий. Основное квалифицирующее значение наречий – признак, качество (признак действия, другого признака и т.д.). Слова же, составляющее ядро КС, *надо, можно, нельзя, жаль*, отнести к признаковым словам трудно даже с натяжкой: это слова состояния, а не признака. Именно эти слова имеют самую высокую частотность среди других предикативов. Например, в проанализированных нами текстах слова *надо, можно* вошли в группу первых пятидесяти самых употребляемых слов. Наиболее общим семантическим признаком русских предикативов является также неспособность обозначать родовые положения, не соотносённые с экспериенциальным субъектом, т.е. не просто *надо*, а *мне надо*; не просто *жаль*, а *матери жаль* и т.д. Выдвигая, таким образом, на первый план смысл (и понимание), значение, мы ведем речь и о дополнительных (как мы их называли «периферийных») признаках. Даже если принять категорию понимания как нечто слишком абстрактное и инертное, «переход к следующему этапу» – морфологическому лишь подтверждает наш вывод. Слова КС имеют грамматическую категорию времени, которая не характерна для неизменяемых наречий. (*Мне стало легко. Мне станет легко. Мне легко и приятно.*) Третий принцип характеристики частей речи – синтаксическая роль в предложении – в данном случае не может являться определяющим даже при том, что категория состояния – это единственная ЧР, которая в синтаксическом плане монофункциональна, всегда является сказуемым, ибо и некоторые наречия могут выступать в роли сказуемого: *Шапка набекрень, сапоги всмятку*. Словосочетательные возможности же категории состояния еще раз доказывают своеобразие их как класса слов и отличие как от наречий, так и от прилагательных (способность управлять дательным субъекта: *Детям легко. Мне стало плохо*). То, что данная группа слов является как бы закрытой системой и в языке нельзя построить ее эволюционную шкалу, не может стать препятствием в признании КС как особой части речи. В русском языке есть и другие ЧР, количество слов которых ограничено – это местоимения, числительные. Относительная немногочисленность и яркие семантические свойства предикативов есть еще один аргумент в консолидации слов КС как единого класса с инвариантной семантикой.

Мы также полностью признаем связочные слова частями речи: при функционировании они не только не лишены своего значения, но часто являются основным коммуникативно-информационным компонентом высказывания. Пример *в институте* дает повод для большого спора, где же тут ядро высказывания, носитель основного смысла – предлог или существительное. Можно сказать, пожалуй, ядром высказывания как раз является предлог *в*, ибо *институте* можно понять и как изъяснительный объект, при наличии предлога *о* смысл бы получился совершенно другой. Если бессоюзное предложение *Я пришел – ее не было*, «оснастить» союзами *но, а, так как, хотя и, поэтому*, убедимся, как «чисто синтаксические средства» – союзы кардинально меняют информационно-коммуникативный план предложения. *Они бастуют за нее. Они бастуют против нее. Они бастуют из-за нее* и т.п.: выражаемые предложениями типы отношений способны полностью перекроить

смысл высказывания. Т.е. мы не согласны с распространенной в лингвистике формулировкой «знаменательные и незнаменательные ЧР», так как считаем, что незначимых (незнаменательных) частей речи нет, в языке значимы все его элементы. Если информацию, которую дает каждое слово в языке, выделить как номинативную (отражение внеязыковой реальности), синтаксическую, или грамматическую (сведения о связи слов в речи и т.д.), модальную (отношение к высказываемому), прагматическую и эмоциональную и т.п., нельзя не признать, что служебные слова тоже дают информацию. Логично будет считать, что значение языковых элементов может составлять не только номинативная информация, но и синтаксическая, даже коммуникативная. Исследование особенностей функционирования служебных слов, местоимений и т.п. в речи ставит под сомнение и деление слов на «основные», «неосновные»: по употребляемости, частотности, по роли в строении коммуникатов и целых нечленимых предложений эти слова от других почти ничем не отличаются. Именно понятийно-функциональный подход позволяет включить «вечно спорные» слова *да, нет* в круг модальных слов, ибо ни с частицами, ни с безличными глаголами, ни с предикативами у этих слов нет так столь очевидно общих объединяющих свойств, как с модальными словами, выражающими общеязыковые универсальные категории утверждения и отрицания.

Понятие языковой системы стало основополагающим в лингвистике, и трактовка ЧР только как различающихся классов становится неполной и неточной. Система частей речи — это единство взаимосвязанных и взаимообусловленных единиц, которые не только отличаются друг от друга, но и объединяются общим — их функциональным участием в распознавании и отражении сложной объективной действительности в речи. В основных категориально-семантических значениях ЧР закреплены представления о существенных категориях мира, структурированного языковым сознанием.

Отказываясь от противопоставления структурно-системного и функционально-коммуникативного подходов к языку, мы стремимся представить ЧР как систему, функционирование элементов подсистем которой — есть проявление их на службе выражению мысли и предназначенность, потенциальная в системе языка и реализующаяся в речевом пространстве. Выдвижение смысла на первое место в классификации самих критериев не есть классический «обновленный» семантический подход, ибо (в современных трактовках) смысл — это не просто значение слова. Язык в коммуникации, т.е. при функционировании, подчинен не столько целям обозначения, наименования предметов и явлений окружающего мира, сколько целям отражения человеком объективной действительности и его субъективных восприятий.

Действительно, в основе разбиения слов на ЧР лежит система операций, отражающих познание мира наиболее абстрактным, отвлеченным способом, в виде грамматических категорий, т.е. смысл и системно-функциональный аспект — есть ключ к решению всех спорных вопросов при квалификации слов. Позволим себе не согласиться с отраженным во многих вузовских

учебниках мнением о том, что абстрактные, отвлеченные отглагольные и отприлагательные имена имеют те же значения, что и глаголы или прилагательные. Считать, что слова *бегать* и *бег*, *ездить* и *езда*, *синий* и *синева* и т.п. имеют одно и то же значение, на наш взгляд, нет оснований. Несомненно, в них есть элемент семантической общности, обусловленной единством корня, но слова *бег*, *езда* выражают действие совершенно в ином ракурсе, это действие как нечто самостоятельно существующее, как некое его предметное бытие как носителя признака-субстанции. Различия парадигматики и валентных свойств таких слов связаны с различиями именно семантического плана. *Он не любит бегать* и *Он не любит бега* – смысловые отличия этих высказываний очевидны. Термин «смысл» нами принят в трактовке Н.Ю. Шведовой «как данность, сочленяющая в себе некое понятие и собственно значение, материализованные в той или иной единице языка» (1998, с. 31).

В гетерогенную систему ЧР вписываются как номинативные, так и не-номинативные слова, выделенные на основе дифференциальных признаков ЧР: наличие в них категориального классифицирующего значения (например, предметность у имен существительных), морфологических категорий (рода, числа и падежа и т.п. у тех же слов), система форм слов, связь с единицами других классов, возможность слов выступить в роли члена предложения.

Классификация ЧР должна строиться если не на едином (понятийно-функциональном) критерии, то обязательно на основе иерархии таких критериев, вершиной которых является все-таки смысл, значение слов. Но это вовсе не означает, что другие (грамматические и т.п.) признаки классов слов малозначительны. Несомненно, морфологические свойства, синтаксические особенности слов важны при характеристике всех классов слов, при выяснении их возникновения, взаимосвязи-перехода и т.п. Наконец, морфологическая характеристика ЧР есть надежный и точный путь при практическом описании и изучении языка.

3. Распространенная в современной лингвистике мысль о том, что сегодня номинативно-прагматическая парадигма постепенно вытесняла и вытесняет системно-структурную парадигму (Ломов А.М., 1999, с. 11-13), особенно актуальна для татарского языка, в котором далеко не все части речи имеют особое грамматическое оформление, позволяющее распознавать ЧР. Дифференциация ЧР в татарском языке есть группировка слов по разрядам на основе наиболее общих свойств, присущих словам как выразителям представлений об объективной действительности, что непосредственно связано с ролью языка как орудия общения и мышления.

Как известно, логические классификации требуют исполнения двух критериев. Первый из них состоит в том, чтобы классификацией были охвачены все классифицируемые объекты, а второй — в том, чтобы ни один из объектов по принятым критериям не попал в две классификационные группы. К сожалению, в существующих классификациях ЧР современного татарского языка часто не выдерживается ни первый, особенно — ни второй

критерий. Если об одних словах, активно употребляемых в нашей речи, иногда не упоминается, часто одно и то же слово (в том же окружении) описывается и анализируется одновременно в числе слов двух или даже трех частей речи.

При логико-понятийном подходе к ЧР несомненно важны следующие моменты: 1) наличие самостоятельного значения; т.е. полноточность и непоточность слов, в науке принято называть это выражением «означае-мых» (десигнагов); 2) номинативная или дейктическая функция слов; 3) способность или неспособность выразить модальность; 4) способность осуществлять связь между словами, выражать отношения между десигнатами и т.п.

На первый взгляд, создается впечатление, что первый и второй факторы (номинативная функция и лексическое значение)— это явления одного порядка (во многих работах лексическое значение слова часто отождествляется с номинативной функцией слова). Лексическое значение — это то индивидуальное в общей семантике слова, что отличает его среди остальных слов языка, т.е. присуще только этому слову. Лексическое значение слова отражает предметы, качества, явления, действия и т.п. реального мира. В этом смысле лексическим значением обладают все существующие слова в татарском языке (например, нельзя отрицать наличия значения даже у таких слов, как *юк*, *бар*, *ха!* *аста* и др.). В чем же причина столь глубоких различий между лексическими значениями полноточных и служебных слов? Нельзя ли считать, что семантика, приписываемая служебному слову, на самом деле является фрагментом значения синтаксической конструкции, а служебное слово является лишь маркером возможности (или невозможности) употребления этого значения в данном контексте? Принятию такой точки зрения препятствуют следующие возражения. Служебные слова, например, усилительные частицы, как правило, употребляются в достаточно разнообразных контекстах. Одна и та же частица может употребляться и в повествовательном, и в вопросительном, и в побудительном предложении. Значения синтаксических конструкций, в которых может употребляться одна и та же частица, могут быть совершенно различными, различна и интонация в таких предложениях. Например, *Ул кайтты. Ул кайтты! Ул кайтты? Ул да кайтты. Ул да кайтты? Ул да кайтты!* Значение частицы везде остается одинаковым, вне зависимости от цели высказывания. Более того, нельзя отказать в присутствии значения даже союзам, на первый взгляд, «чисто синтаксическим средствам». В предложениях *Мин кайттым, ә ул килмәде. Мин кайттым, әмма ул килмәде. Мин кайттым, шуңа күрә ул килмәде. Мин кайттым, чөнки ул килмәде* и др. При абсолютном совпадении остальных членов предложения в этих конструкциях, отличающихся только союзами, совершенно разные информации и коммуникативно-функциональные цели. Или же если бы, например, послелоги были лишены лексического значения, то каким образом выражаются пространственные, временные отношения в сочетаниях их с существительными: *урман артында, институт янында* (ведь существительные вовсе не выражают место, а лишь

называют предметы); *аньян соң* (где значение времени достигается именно благодаря послелогу *соң*)? Таким образом, тезис о том, что служебные слова несопоставимы со знаменательными ввиду отсутствия единого основания для выделения этих двух категорий, теряет значение при включении в квалификационный аппарат аспекта смысла и значения (а не только номинативной функции). Можно сделать вывод о том, что служебные слова в татарском языке имеют свое значение (под значением языкового элемента мы понимаем ту информацию, которую получает слушающий, встретивший этот элемент в тексте, устном или письменном). Информация, которую можно извлечь из текста, конечно, является разнородной (как, впрочем, и функции самого языка): *номинативной, прагматической, эмоциональной, коммуникативной* и т.п. Что же касается номинативной функции, то она характерна лишь для определенной части слов в языке: существительных, прилагательных, глаголов, наречий. А числительные, местоимения, послелоги, союзы и т.п., хотя и обладают лексическим значением, в номинативной функции не выступают.

Части речи — это классы слов, а слова — есть своеобразный готовый к употреблению полуфабрикат, содержащий все необходимое для осуществления вербализованных логических операций, с помощью ЧР любое явление может быть представлено как субстанция, процесс или качество, в зависимости от того, какую роль говорящий отводит соответствующему понятию при осуществлении вербализованных логических операций.

Поскольку назначением системы ЧР является подготовка словесного выражения мысли, то она естественно должна иметь в своем составе все простейшие функциональные элементы, из которых слагаются вербализованные логические операции. Поэтому принцип ее структуры следует искать в структуре данных операций. Но эти последние есть не что иное, как идеальные модели операций практических. Вполне закономерно, что простейшие слагаемые вербализованных логических операций будут соответствовать одному из основных элементов структуры внешнего мира. Именно это мы и наблюдаем, рассматривая категориальные значения (по-другому, категории смысла) частей речи. Существительное оказывается аналогом материи: *урман* «лес», *таш* «камень», *кеше* «человек», глагол — движения: *барам* «иду», *атлыым* «шагаю», *эпли* «работает», прилагательные — качества: *матур* «красивый», *ямьле* «живописный», числительные — количества: *бер* «один», *ун* «десять», *биш* «пять». Здесь речь идет только о соответствии (аналогии), причем о соответствии не абсолютном, не прямом, а касающемся лишь функциональной стороны. Это и объясняет тот кажущийся странным факт, что, например, для существительного, ядро которого действительно составляют слова, обозначающие предметы, выражение чего-то материального является совершенно необязательным: *матурлык* «красота», *чабу* «бег».

Все это зависит от характера того элемента действительности, аналогом которого является ЧР, ибо элементы эти в существе своем глубоко различны, что и обуславливает разнородность, наблюдаемую у частей речи. В ре-

зультате одни классы семантически универсальны (те же существительные), другие, обладая широким диапазоном, ставят все же некоторый предел проликовновению лексем (класс прилагательных). Третьи семантически специализированы, хотя и допускают известное движение понятий (например, класс глаголов). У четвертых, наконец, наблюдается полное совпадение лексических значений с категориальным, конкретными вариантами которого они являются. Таковы классы местоимений и числительных.

Слова, обладающие номинативной функцией, называющие предметы, явления, процессы, состояния, признаки, числа и т.д., можно назвать подсистемой номинативных слов, которая в свою очередь включает основных 4 структурно-семантических подкласса: 1. Класс предметных слов. 2. Класс процессных слов. 3. Класс признаков слов. 4. Класс количественных слов. Им противопоставлен класс местоименных слов, в функциональном плане которые оказываются адекватными единицам классов номинативных слов.

Вторую подсистему составляют классы релятивных слов. Подсистема классов релятивных слов является системой по отношению к двум подразделениям — к двум подсистемам, выделяемым в системе релятивных слов: 1. *Подсистема субъективно-объективно-релятивных слов.* 2. *Подсистема объективно-релятивных слов.*

Из двух типов информативных языковых значений (логико-предметных и эмоционально-оценочных) вторые — эмоционально-оценочные, модальные, лежат в основе выделения следующей особой группы слов. Вкратце эти слова можно назвать выражающими отношение говорящего к действительности, или выражающими модальные отношения. К таковым в татарском языке относятся: 1) модальные слова; 2) частицы; 3) междометия. Подсистема субъективно-релятивных слов состоит из двух классов. Это: 1. Класс субъективно-объективно-модальных слов (модальные слова и частицы). 2. Класс субъективно-эмоциональных слов (междометия).

Вторая подсистема релятивных слов — подсистема объективно-релятивных слов — объединяет довольно разнообразные по своей семантической структуре единицы, имеющие один общий семантический признак, — значение объективной реляции, т.е. значение отношения, устанавливаемое между номинативными словами и предметами (явлениями, признаками и т.п.), называемыми этими словами, а также отношения, устанавливаемые между словосочетаниями и предложениями и выражаемым ими содержанием. Сюда включаются: 1. Класс послелогов. 2. Класс союзов.

Бинарность системы ЧР проявляется в том, что она состоит из двух подсистем и в том, что в ней достаточно рельефно выступают два крупных класса — существительные и глаголы, образующие по своим когнитивным, предметно-логическим основаниям, и совокупности грамматических признаков полярные признаки. Противопоставленные друг другу и парадигматически, и синтагматически, они генерализуют вокруг себя почти все остальные ЧР (*Ярыш бара. Кискен ярыш бара. Монда кискен ярыш бара. Монда инде ел бие кискен ярыш бара и др.*). По коммуникативной значимости эти две ЧР занимают в речи ведущее положение, представляя субъект и

предикат всякого суждения, всякой информации: «имя и глагол – единственно необходимые для языка части речи» (Э.Сепир, 1934, с. 93). Существительное же занимает в этой полярной системе совершенно особое место. Мы согласны с мнением Мурысова Р.З. о том, что «следует указать на особое положение имени существительного в иерархии частей речи не только в плане организации вокабуляра языка..., но и в плане его внутридискурсивных потенций» (1999, с. 56).

Особая и в какой-то мере уникальная специфика имени существительного в концептуализации мира заключается в том, что единица любого уровня может стать субстантиватом не только в плане выполнения синтаксических функций существительных, но и морфологически. Но нет обратного явления, т.е. такого, чтобы любое слово могло вербализоваться, адъективизироваться, адвербиализоваться и т.п. (хотя имеются случаи употребления имен существительных в роли других частей речи, точнее, в синтаксической транспозиции, что еще раз доказывает феноменальный характер имен в татарском языке. Например, *алтынны, матурны, шәпне, яратмны, ләкинне аерабыз.*)

Части речи, как известно, полифункциональны. В их задачу входит лишь отражение простейших элементов для словесного анализа-синтеза понятий о явлениях действительности. Категориальные значения ЧР безразличны и ко всякого рода связям и отношениям, которые постоянно устанавливаются в ходе вербализованных логических операций между отдельными автономными существами (например, именами существительными) и их признаками (прилагательными или местоимениями и т.п.). Именно по этой причине в систему частей речи не вписываются так называемые «предикативные слова», выделяемые авторами академической грамматики татарского языка. («Предикативными» в собственном смысле могут быть и прилагательные (*кызлар — яшь, матур*), и местоимения (*урман — синеке*), числительные (*балаларыгыз — биш*), и естественно — глагол (*алар килде*) и др.).

Ядро, центр этой группы слов, являющихся действительно, в основном, сказуемым в предложении, *бар, юк, кирәк, мөмкин, ярый* и др., выражают в первую очередь модальные отношения. То, что эти слова переводятся на русский язык словами *КС надо, можно, нельзя* и др., которые составляют самостоятельную ЧР, не может стать основанием признания их особой ЧР и в татарском языке. Ни функционально-смысловой, ни морфологической основы (эти слова изменяются: *бармы, бардыр, ярый, ярамас, юкны* и т.п.) для этого нет. Целесообразнее и логичнее отнести такие слова в татарском языке к модальным, так как (в силу агглютинативной сущности языка) типы значений этих слов свидетельствуют о выражении общезыковой категории модальности (т.е. мы исходим из современной широкой трактовки категории модальности: это отрицание, утверждение, возможность, реальность и т.д.). Более того, мы считаем, что слова *бар, юк, да, нет* и др., трактуемые как в русском, так и в татарском языкознании неоднозначно (частицы, предикативные слова и др.), целесообразнее отнести к модальным словам. Понятийно-функциональный принцип, принятый нами как

ведущий, позволяет рассматривать эти «спорные слова» именно в кругу модальных слов.

Систему номинативных классов татарского языка с точки зрения особенностей выражения ими уровней значения (информации) графически можно представить в виде следующей схемы (заглавные буквы означают части речи, начинающиеся на эти буквы):

Уровень автономных сущностей С М Ч

Уровень признаков П-Г М Ч

Уровень «признаков признаков» Н М

Из схемы видно, что местоимения присутствуют на всех уровнях: предметности, признаковости и т.п. Числительным тоже характерна такая полифункциональность. Таким образом, признаем, что местоимения и числительные, хотя и вписываются в общую систему однозначных слов в силу их понятийной универсальности, занимают они в этой системе особое место.

В то же время универсально-деиктический характер татарских местоимений не означает, что они могут выступать функциональными заместителями всех ЧР. В последних татарских грамматиках местоимениями названы и некоторые глаголы (*нишли*, *ниту*), союзы, частицы и т.д. Местоимения, как и в русском языке, являются смыслопорождающей категорией, формируют смысловые категории языка: *ул*, *кемдер*, *беркем* «он, кто-то, никто», т.е. определенное-неопределенное-несуществование; *нинди-шунды-беринди* и др. Так называемые же «местоимения-частицы», *эңә*, *менә*, и др. — это собственно частицы, выражающие дополнительные оттенки значений (но не сами смыслы) и причислять их к местоимениям нет никакой необходимости.

С точки зрения способности слов выступать в роли связующих элементов и выражающих отношения между различными словами выделяются так называемые «связочные слова», к таковым в татарском языке относятся послелог и союзы. Хотя, на первый взгляд, есть принципиальное отличие между этими двумя группами слов: первые, послелог и послеложные слова, являются словосоединительными средствами, а союзы — не только соединяют, а осуществляют связь, выражают различные отношения между словами и предложениями, общим является их соединяющая, связующая функция. Функция выражения различных отношений между словами (или предложениями) тоже есть общее для этих обеих групп неполнозначных слов.

Частицы в татарском языке представляют очень неоднородную группу слов, объединяющихся лишь одним функциональным значением: они придают словам, высказываниям и т.д. различные смысловые, эмоциональные, модальные оттенки. *Ул гына гаепле. Ул да гаепле. Гаепле түгел. Гаепле үк түгел. Ид гаепле кеше.* В этих примерах мена частиц приводит не только к совершенно разным смысловым оттенкам, но и кардинально меняет коммуникативно-сигнальный облик высказываний.

Некоторые из так называемых татарских «частиц» не вписываются в

квалификационные схемы своих ядерных единиц, к тому же при этом не выдерживается единый орфографический принцип. Речь идет об отдельных элементах, традиционно рассматривающихся (в каждой из предыдущих грамматик) как служебные части речи: это *-мы/-ме*, *-мыни/-мени*, *-дыр/-дер*, *-чы/-че*, придающие словам значение вопроса, неуверенности, просьбы и пишущиеся в составе других слов: имени, глагола и т.п. Например, *балалдыр* «наверное, ребенок», *аздыр* «наверное, мало», *бардыр* «наверное, есть» и *яшидер* «наверное, живет, проживает». Получается, что одно слово — есть одновременно две части речи: существительное и частица, глагол и частица, нарушается единый принцип классификации ЧР. Часть речи — это название обобщенного класса слов, отдельные же слова — это, прежде всего, представители неких общих лексико-грамматических группировок. Как одно слово, которое имеет конкретную символизирующую или сигнализирующую о предметах, явлениях действительности функцию, может являться проекцией в язык вещей, лежащих на разных плоскостях? На наш взгляд, включение таких элементов в разряд частиц связано исключительно влиянием русских грамматик: *барамы* или *барамыни* переводятся на русский язык оборотом «глагол плюс частица» *идет ли*, *неужели идет*, *идет разве* и др. Действительно, на вопрос *барамы*, где значение вопроса закреплено за аффиксом *-мы*, можно ответить: *бара* или *бармый*. С точки зрения функционально-коммуникативной значимости, все три элемента: *-мы*, *-а* и *-мый* — одного порядка (хотя один из них оформляет вопрос, другой — форму времени, третий — отрицание), являются показателями определенного смысла (в том числе — модальности) и пишутся все три в составе других слов.

Решением этой проблемы, несомненно, сложной и противоречивой, было бы отведение вышеназванных элементов слов в разряд морфем. Морфем с особыми типами значений вопроса, просьбы, неуверенности и т.п. Частицы при этом ничуть не потеряли бы своей значимости как особой части речи, в их рамках остаются основные разряды ограничительных *гына*, *генә*, *кына*, *кенә*, усилительных *да*, *дә*, *ич*, *бит*, выделительных *бары*, *тик*, указательных *менә*, *әнә*, экспрессивно-эмоциональных *хәтта*, *ләбәсә*, *соң*, *инде*, модальных *аллә* и др., к слову, самых употребительных и активных в нашей речи.

А элементы *-мы/-ме*, *-дыр/-дер*, *-мыни/-мени* вполне логично вписывались бы в разряд морфем, частей слова, а не частей речи, так как они не организуют речь, они строят слово. Это, в свою очередь, потребует пересмотра классификации видов морфем татарского языка, квалификации их по кардинальным категориям, говоря по-другому, морфемы, аффиксы татарского языка могут быть классифицированы на тех же основаниях, что и части речи. Общеизвестно, что в агглютинативных языках аффиксы имеют более конкретное, определенное и дифференцирующее значение, т.е. являются однозначными и стандартизированными. На наш взгляд, в татарском языке выражение вопроса, отрицания, неуверенности и других модальных значений (в отличие от русского языка, где все эти типы значений в основ-

ном выражаются посредством частиц) – это сфера действия аффиксов. Во всяком случае, классификация частей речи должна быть квалификацией самих слов как отдельных лексем, а не элементов слов.

Все вышесказанное относится к функционально-семантической стороне характеристики классов слов.

В то же время ЧР классифицируются на основе собственно морфологических форм слов (иногда включающие и целые слова). С этой точки зрения все части речи татарского языка делятся на два больших класса: изменяемые и неизменяемые слова. Изменяемые, в свою очередь, подразделяются на изменяющиеся по падежам и числам, по лицам, по временам и т.п. К изменяющимся по падежам и числам ЧР относятся существительные (*атка, атларга*), числительные (*унга, кырыкны*) и местоимения (*мине, аларга*); по временам и лицам изменяется лишь глагол (*килде, алдым*) (в свое время примерно такую классификацию дал еще Г.Алпаров).

Татарские ЧР можно также квалифицировать на основе их синтаксической сочетаемости с другими словами, частями речи. В этом плане выделяются следующие группы слов: 1. Группа существительного — прилагательное, местоимение, числительное, наречие, послелог, частица (*акча — зур акча, минем акча, биш сум, акча белән, акчамыни*). 2. Группа глагола — наречие, числительное, прилагательное, местоимение, частица (*бара — озак бара, биш бара, матур бара, шунда бара, барамы*). 3. Группа прилагательного — наречие, частица (*матур — шактый матур, матур гына*). 4. Группа наречия — наречие, частица (*язын — былтыр язын, был гына*). 5. Группа модальных слов — наречие, глагол, местоимение, существительное (*бик ярый, барырга ярый, ана ярый, эшкә ярый*).

Как видно, валентные свойства существительного и глагола отличаются намного более широким, нежели у других номинативных слов, диапазоном.

Что касается словообразовательных признаков, следует признать, что они могут играть лишь вспомогательную роль при дифференциации слов, так как в татарском языке очень много корневых, непроемных, слов, и для таковых словообразовательный критерий заведомо неприменим. *Матур, кил, бир, аз, бик, гына, иң, саен, юк, әмма* — прилагательное, глагол, наречие, частица, послелог, модальное слово, союз — все представляют слова-основы без каких-либо аффиксов. При квалификации же производных слов, при наличии четких словообразовательных аффиксов, несомненно, их роль при распознавании ЧР возрастает.

И, наконец, мы допускаем возможность функционирования в татарском и русском языках слов, подведение которых под какую-либо часть речи не имеет никаких оснований, т.е. слов вне категории частей речи. Хотя такой подход противоречит вышесказанному о том, что любое слово в языке способно нести свою особую информацию и в силу этого имеет значимость, тем не менее, динамический характер языковых реалий, сложность языка как системы, сами противоречия в этой системе могут быть причиной того, что некоторые слова не подходят ни под один из отмеченных критериев.

Таким образом, дифференциальными признаками ЧР являются следующие

щие: в первую очередь, это функционально-семантическое, или классифицирующее, значение слов; затем следует выделить морфологические категории классов слов, систему их форм, морфемную структуру; сочетаемость с другими единицами; функцию в предложении. В качестве недифференциального признака, тем не менее, очень значительного в функциональном плане момента следует выделять аспект распознаваемости и употребляемости.

Второстепенность всех остальных признаков частей речи по отношению к первому можно продемонстрировать на примерах обоих языков. Существительное *кино* является обозначением обобщенного предмета-понятия (слово служит обозначением и кинематографии как таковой, и конкретного фильма, так и конкретного здания, где демонстрируются кинофильмы). Единственная морфологическая категория существительного *кино* — это его род (ср.); система форм данного слова отсутствует; морфемная структура (слово не имеет окончания) совпадает и с компаративом, и с наречиями, и с модальными словами, служебными словами и т.п. В силу своей специфичности существительное может сочетаться со многими ЧР, валентность слова *кино* очень широкая (*интересное кино, мое кино, идти в кино, кино вдвоем* и др.). Что касается синтаксической функции, то указанное слово может быть почти всеми членами в предложении. (*Кино — это искусство. Моя любовь — кино. Он пошел в кино. Он работает в сфере кино и т.п.*) В то же время любому носителю языка понятно, что перед нами имя существительное, отвечающее на вопрос *что?*

Татарское слово *аз* «мало» означает степень, количество, отвечает на вопрос *сколько?* Морфологическая парадигма слова почти отсутствует, исключение составляет форма *азрак* «меньше». Сочетается это слово и с существительным *аз акчага* «на малые деньги» и с глаголом *аз булды* «мало оказалось». Синтаксическая функция может быть у слова тоже разнообразной: *Анда кеше аз.* «Там мало людей»; *Аз акчага ни алым.* «Что купить на эти малые деньги»; *Аз гына ятып тор.* «Полежи немного» и т. п. А то, что делает эту лексему ярким представителем класса наречий, — это опять семантика слова, его участие в мыслительном процессе, в выражении общеприкладной и общезыковой категории *количества*.

Признавая существование в каждой части речи ядерных и периферийных единиц, видимо, в системе самих признаков или критериев выделения частей речи можно говорить о ядерных критериях и о критериях периферийных. Для татарского языка, для квалификации ЧР функционально-семантический, понятийно-смысловой уровень есть как раз ядерный критерий в «общем списке требований». Системно-функциональный подход и учет момента смысла приобретают особую значимость для правильного ориентирования в переходных явлениях в системе частей речи.

4. Нельзя утверждать, что переход ЧР (или, по выражению некоторых ученых, «транспозиция») изучен в лингвистике недостаточно полно, но задача освещения транспозиции частей речи выкристаллизовалась во всей своей сложности, многогранности и существенности только в последние годы.

Это связано с перемещением центра мировой лингвистики «с языка как системы форм» к «языку в действии», «языку в ситуации общения» (Бондарко А.В., 1976, с. 25). Связаны эти вопросы также с выявлением нового аспекта различения двух планов существования ЧР: в системе языка и в процессе функционирования. Вполне закономерно, что вопрос о переходных явлениях в системе ЧР органично вплетается в проблему теории части речи, в том числе и ЧР в разноструктурных языках, ибо, как и любое языковое явление, картина ЧР может предстать как статическая и как динамическая. Статическая картина ЧР – это представление общей системы ЧР и внутренней структуры отдельной ЧР в неподвижном, так сказать – «остановленном» состоянии (Гайсина Р.М., 1985, с. 4), а динамическая картина включает фактор движения, функционирования ЧР в речевом пространстве. Переходные явления в системе частей речи — это явление в действии языка, которое связано с функционированием ЧР в высказывании, видимо, поэтому в грамматической традиции вопросы, связанные с «поведением частей речи», рассматривались в синтаксисе. В настоящее время все чаще выдвигается требование отмежевать вопрос функционирования ЧР как «особую область функциональной морфологии» от синтаксиса, фактически речь идет о специальном аспекте учения о частях речи. В татарском языке, части речи которого в синтаксическом плане являются очень нестабильными, переходные явления непосредственно выходят на квалификационный уровень и могут повлиять на морфологический статус слов.

Изменение категориального статуса слова, его структурно-семантической характеристики при сохранении существующего внешнего облика обычно трактуется как переход одной части речи в другую. Само понятие так называемого «перехода», «переходности» в системе частей речи трактуется в современном языкознании далеко не однозначно (См. об этом: Тихомирова Т.С., 1973, с. 78-79; Лукин М.Ф., 1973, Калечид Е.П., 1977; Баудер А.Я., 1980, с. 79; Ким О.М., 1980, Кузнецов В.Я., 1983, Гайсина Р.М., 1985; Бабайцева В.В., 1967, 2000 и др.). В нашем исследовании «переходными явлениями» обозначен только переход слов из одного лексико-грамматического класса в другой, в результате которого одна и та же форма одинаково свободно употребляется в роли двух частей речи, причем мы берем только те примеры-случаи, происходящие в современном языке. (По В.В. Бабайцевой, «контаминационные», а не «трансформационные», диахронные.) Другие аспекты проблемы, например, преобразование лексико-семантических свойств слов в пределах одной ЧР (*золотая сережка — золотая душа, алтын алка — алтын куллы*); преобразование собственных имен в нарицательные или наоборот (*Дон Кихот — донкихоты, Мажнун — мажнун*) и др., хотя это в определенной мере тоже переходные явления в системе ЧР, нами не рассматриваются. Приведенные примеры являются изменениями чисто семантического плана, ибо это слова одной и той же части речи. Многоаспектный характер переходных явлений и то, что они могут быть исследованы на различных уровнях – лексическом, морфологическом, синтаксическом, словообразовательном и т.п., еще раз подтверждает ценность и важность ин-

тегративного подхода к языковым явлениям.

Подробный анализ семантических, словообразовательных, морфологических и синтаксических закономерностей случаев субстантивации, адъективации, адвербиализации и т.д. позволил выявить самые общие и специфические моменты в таких явлениях русского и татарского языков. Например, в обоих языках самое распространенное явление – субстантивация и его механизм один и тот же: в сочетаниях прилагательных и причастий с существительными (*учительская комната, командировочные деньги, молодые люди, сукур карт, язучы апа* и т.п.) происходит стандартизация в употреблении оборота и возникает семантическая слитность его частей со смещением смыслового центра на первый компонент. Возникают своеобразные конструктивные штампы со слитным значением или ослабленным семантически вторым компонентом (по сути дела — главным в словосочетании слов). В результате этого создаются благоприятные условия для редукции семантически ослабленного, часто даже опустошенного второго компонента: *получить командировочные, поздравлять молодых, язучыны каршылау* и др. В обоих языках субстантивированные прилагательные отличаются от своих производящих не только семантическими оттенками, но и морфологически. У русских имен прилагательных *рабочий* и т.п. (*рабочий день, рабочее настроение, рабочая бригада*) сохраняются синтаксически обусловленные грамматические категории рода, числа и падежа, а у имен существительных формы рода, числа и падежа становятся независимыми, самостоятельными, внутренне присущими ему. Происходит функциональное преобразование аффиксов у субстантиватов, они становятся окончаниями — суффиксами существительного, переставая быть знаками качества. Категория рода у таких существительных рассматривается как категория лексико-грамматическая, самостоятельная. В татарском же языке морфологическая маркированность другая: субстантиват приобретает способность изменяться по падежам, как и существительное. По-иному, у русских субстантивов наблюдается грамматическое обеднение, у татарских — расширение морфологических форм. Наблюдается сильная семантическая дифференцированность русских субстантиватов трех родовых форм (также формы множественного числа): мужского рода слова служат обозначением лиц (*нападающий*); женского рода — обозначением помещения по назначению (*ванная*), среднего рода — блюд, кушаний, лекарств (*снотворное*), Pl.t. — деловые термины (*командировочные*) и др. В татарском языке в основном только два типа семантических групп субстантиватов: означающие лица (*карт, укучы*) и отвлеченные понятия, признаки, действия (*ялган, пычрак, беддеру*). Следующее важное грамматическое отличие субстантиватов русского и татарского языков в том, что в первом — субстантивируются почти всегда относительные (производные) прилагательные, во втором — непроеизводные: *объяснительная, детская и саран, эссе*.

Общими являются эмоционально-экспрессивные особенности и стилистические возможности субстантивированных слов и то, что они очень активны в текстах малых фольклорных жанров: *Пьяному море по колено. Исе*

рекк? *диңгез тубыктан*. Относительно способов передачи одного и того же понятия в русском и татарском языках следует выделить, что имеет место и стопроцентная эквивалентность русских и татарских субстантиватов: *больной* и *авыру*; и соответствие отвлеченного существительного плюс субстантивата в русском – и только субстантивата в татарском: *ложь, ложное* и *ялган*, наличие в татарском языке двух однопорядковых лексем: *яшь, яшьләр* и наличие однокорневых существительных и субстантивов в русском: *молодые, молодежь* и т.д. Ряд субстантиватов в обоих языках являются непереводаемыми или переводятся совершенно другого рода лексемами: *командировочные, уточные, сары, кара* «желтуха, чернила».

Очень существенным моментом является синтаксическая сторона данного явления. Выделенные субстантиваты полностью подчиняются синтаксическим закономерностям, присущим именам существительным, — они выступают в предложении либо в функции подлежащего, либо дополнения. Однако функция дополнения и подлежащего является настолько типичной для имени существительного, что любое другое слово, употребленное в этой функции, воспринимается как существительное. Следовательно, функция в предложении не является яркой отличительной особенностью субстантиватов. Более значима грамматическая сочетаемость (валентность) субстантиватов со словами определенных классов и разрядов. Так, субстантивированные прилагательные легко соединяются с личными формами глаголов (*ученый доказал, военный доложит*), легко сочетаются с именами прилагательными (*молодой ученый, стройный военный*). Одной из самых ярких синтаксических особенностей субстантиватов, безусловно, является возможность функционирования их в качестве приложения или быть определяемым при приложении: *швейцарец-ученый, ученый-швейцарец*. Возможность позиционной взаимозамены является также одним из синтаксических свойств субстантиватов в обоих языках: *сукур карт* и *карт сукур, слепой старик* и *старый слепой*, причем в татарском языке эти оба компонента являются существительными, в русском – первое слово есть прилагательное.

Адъективация в обоих языках идет исключительно за счет глагольных форм, причем в русском языке за счет причастий (*убитое лицо*), в татарском – причастий, имен действия и самих основ глаголов (*кайнар су, житү сакал, тырыш кеше*). Адъективация, хотя и является процессом грамматического порядка, имеет семантическую сущность, ибо она происходит при потере причастием глагольных признаков вследствие его семантического отрыва от соответствующего глагола. При этом необходимо употребление этих форм с обязательным набором имен существительных, потому что при других сочетаниях они уже выступают в роли других ЧР, что говорит о более нестабильном и незавершенном характере адъективации, например, по сравнению с субстантивацией: *убитые снарядам войны, тиздән чэй кайнар*.

Самые спорные вопросы татарской морфологии, такие, как определение частеречной принадлежности слов типа *алтын алка, баш врач, алтау килдек, шәп яза, ерак ала* и др, решаются именно при рассмотрении проблемы

в ключе переходности между ЧР, вернее, наличия или отсутствия таковой. Все вышеперечисленные примеры в последних грамматиках татарского языка преподносятся как случаи конверсии, т.е. перехода слов из одной части речи в другую. Мы считаем, что здесь конверсии нет, первые компоненты словосочетаний остаются представителями своей (исковой) ЧР. Эта мысль в татарской лингвистике не нова, такая точка зрения проводилась в нескольких грамматиках (Н.Хангильдина, Д.Г. Тумашевой и др.). Но доказательств, ни грамматических, ни семантических, такой трактовки не приводилось. Мы же не ограничиваемся простой декларацией (*тимер ишек* – первый компонент существительное), а доказываем свою точку зрения несколькими факторами. Это учет семантико-понятийного, смысла лексем (категориальное классифицирующее значение у слов одно, а элемент полисемии – это лексический, а не морфологический фактор); употребление, функционирование этих слов (в 85–90% случаях применения – 863 примера из 1000 – слова *алтын*, *тимер*, *баш*, *кемеш* и др. употребляются исключительно в значении предмета, а не в атрибутивном значении, причем как в устной, так и в письменной речи); воспринимаемость слов носителями языка (участвовавшие в опросах респонденты, больше 1000 человек, видят эти слова только одной частью речи); анализ данных психологической ассоциации еще раз доказывает, что основные валентные возможности слов связаны с одним конкретным употреблением.

Вывод о том, что первое слово в сочетании *баш врач* является прилагательным потому, что не принимает аффиксов падежей (а татарские прилагательные как раз не склоняются, тогда как существительные изменяются по падежам и числам), не совсем убедителен. В татарском языке практически любая часть речи может принять аффиксов падежей и чисел: *Иртөгәне онытма! Яратамсыз гына яшәдек әле. Бигрәкләр дә сөйкемле! Ләкиннәреч туйдырды инде* и т.д. Но это не означает, что все эти приведенные слова являются примером субстантивации. Если наличие аффиксов падежей и чисел не может являться маркером принадлежности слова к одной определенной ЧР, то и отсутствие таких показателей не может играть главенствующую роль при определении частеречной принадлежности слова.

Тенденция к определению всех таких слов как результат конверсии – это непосредственное влияние русского языка, на который данные словосочетания переводятся каждый раз именно этой частью речи: *алтын алка* «золотая серьга», *алтау килдек* «вместером приехали», *баш врач* «главный врач», *яз кайтырмын* «весной приеду» и т.п. Возникает резонный вопрос: как вообще производить классификацию ЧР (морфологических единиц) татарского языка, если одно минимальное условие – окружение слова – способно изменить частеречную принадлежность слов? Стремление видеть в каждом случае не свойственного данной части речи синтаксического употребления субстантивацию, адъективацию и т.п., характерное для многих работ и в русском и в татарском языкознании, нельзя считать обоснованным еще и потому, что при этом не учитывается главный тезис: самое важное, главное значение части речи – то, которое не определяется контек-

стом; «остальные (частные) значения к семантическим элементам главного значения добавляют еще и элементы контекста» (Курилович Е.Р., 1962, с. 78). Только при строгом определении степеней переходности (а их, по нашим данным, три: образование новой лексемы, гибридные, синкретичные случаи и контекстуальный, частичный, окказиональный и т.п. переход) эти вопросы можно решать в ракурсе квалификации ЧР. Доказательства переходности, точнее, степеней субстантивации, адъективации и т.д. – это конкретный анализ функционирования таких слов в различных текстах, в том числе и в разговорной речи, данные по воспринимаемости слов носителями языков. Это может иметь отражение и в практике составления словарей, например, по нашим данным, слова *дежурный, военный, слепо́й, учительская, карт, ялган, сукур* в 80 процентах из ста употребляются исключительно как имена существительные, и первым значением этих слов в толковых словарях следует давать именно данное значение.

Носитель языка стремится воспринимать слово как представитель обобщающей категории (субстанции, признака, процесса) или интерпретировать его только в одной конкретной роли. Услышав любое знаменательное слово, носитель языка стремится дифференцировать его среди других слов путем задавания вопроса, включает слово сразу в акт коммуникации, т.е. слово начинает функционировать еще в сознании носителя языка. Явление переходности, взаимопроникновения в системе частей речи в языке и в речи сопровождается, на наш взгляд, одновременным (может быть, подсознательным) стремлением говорящего включить слова в один, четко определенный, конкретный класс слов.

Адвербиализация, как и субстантивация, в обоих языках является динамическим и очень распространенным явлением, причем идет в основном за счет падежных форм имен существительных и деепричастных форм глаголов. Например, отрываясь от парадигмы существительного, такие формы становятся неизменяемыми словами, а флексии и предлоги падежей превращаются в суффиксы наречий (*верхом, язга*). Самое большое изменение, конечно, происходит в семантическом аспекте: эти слова, теряя свое предметное значение, приобретают различные обстоятельственные типы значений: времени, образа и способа действия и т.д. Говоря по-другому, категориальное значение наречий, так называемое адвербиальное значение, отличающееся гибридностью своей структуры и служебностью функции, становится основным для данных форм имен существительных. Деепричастие (*сидя за столом и читает сидя*) обозначает самостоятельно существующее, второстепенное действие, тогда как наречие обозначает действие, представленное как свойство другого действия. Наречие, таким образом, связывает, объединяя, а деепричастие связывает и одновременно разделяет.

Что касается синтаксического аспекта, с точки зрения членов предложений, отметим: эти деепричастные формы и существительные от своих адвербиализованных производных почти ничем не отличаются – и те, и другие способны выступить только в роли обстоятельств. Другое дело — сочетаемость со словами: если для существительных характерна способность

согласовать в роде, числе, падеже имена прилагательные, местоимения и др., то в роли наречий данная особенность теряется. То же самое происходит и с деепричастиями: они теряют способность управлять, сочетаться с наречиями и т.п.

Но каждый случай адвербиального употребления имен или глаголов оценивать как переход ЧР не следует, ибо при этом синтаксический аспект начнет преобладать над семантическим и морфологическим. Например, *ехали поездом, лететь самолетом*, эти случаи во всех учебниках (как вузовских, так и школьных) преподносятся как адвербиализация, на наш взгляд, таковой не являются, ибо значение предмета в примерах выражено сильнее, чем наречное. Мало того, нельзя говорить о полной адвербиализации и в общеизвестных примерах *шепотом, басом* и др. Например, *Он на этот раз говорил шепотом, а не своим обычным басом. Утром поедем к родителям, тем же вечером и вернемся*. На наш взгляд, слова *шепотом, утром* вовсе не утратили своего именного (предметного) значения. То, что, например, слово *утром* несомненно имеет значение времени, еще не показатель полной адвербиализации, ибо и само слово *утро* имеет именно то же значение определенного отрезка дня.

Такой подход позволяет нам рассматривать татарские примеры типа *алтау килдек* и др. не как случаи адвербиализации, а как «типичное поведение» собирательных числительных, ибо здесь основное функциональное значение (смысловое, понятийное, а не только роль в предложении) – значение количества.

Из явлений перехода самостоятельных ЧР в служебные в обоих языках самое распространенное – препозиционализация. Номинативные слова или их отдельные формы, функционально преобразуясь, становятся выразителями грамматических отношений, средствами связи или начинают выражать различные модально-эмоциональные оттенки. «*Этим путем мы не пойдем*», – сказал наш Минтимер Шаймиев еще в начале 90-х годов. *Удалось достичь этого соглашения только путем кропотливых переговоров* (из газеты «РТ»). *Аннан аркасында йөзеп алды. Шуның аркасында бар да!* (Г.Б.) Называть эти примеры наречиями-предлогами, служебными именами, как это принято в большинстве работ, нецелесообразно. В каждом предложении у таких слов своя конкретная функция, своя частеречная принадлежность. Выражение «такое-то слово перешло в предлог» тоже не совсем точно, ибо при такой формулировке упускается один момент: эти слова, начинающие выполнять сигнализирующие об отношениях, связях и т.п. функции, продолжают оставаться прежде всего представителями своей части речи: *Ул каршы иде. Кичкә каршы буран чыкты. После зайдете. Зайдете после собрания* и т.п. В проанализированных нами текстах из производных предлогов-послелогов лишь некоторые употребляются с намного большей частотностью-активностью, нежели свои исходные основы. Это русские предлоги *после, благодаря, около, спустя, в течение* и др., из татарских слов настоящими послелогоми, которые и употребляются и воспринимаются уже именно как служебные слова, оказались *турында, таба, кырында, карамастан*.

В русском языке препозиционализации подвергаются в основном наречия и деепричастные формы, в татарском языке – имена существительные. В обоих языках продолжающееся обогащение класса таких слов путем «опосредствования» отдельных форм знаменательных форм – свидетельство развития и обогащения системы абстрактных синтаксических значений.

Проблема переходности слов в системе ЧР изучена лингвистами достаточно полно, но в большинстве исследований вопрос о причине такой переходности не ставится. Например, слова *урындык* или *стул, очень и бик* не преобразуются ни в имена прилагательные, ни в модальные слова, ни в другие ЧР, т.е. способность переходить из одной ЧР в другую – это не всеобщая характеристика слов, для этого необходимы определенные предпосылки. «Переходят» из одной ЧР в другую только такие слова, которые в процессе регулярного функционирования стали многозначными. Причем, развитие многозначности непременно должно сопровождаться абстрагированием лексического значения. Переосмысление языковых средств для выражения многообразных оттенков мыслей есть главный фактор движения слов из одного класса в другой. Таким образом, правомерность отведения основной роли в характеристике ЧР семантике, функции слова в мыслительно-понятийных операциях еще раз находит свое подтверждение и в плане переходности ЧР.

5. Одним из путей исследования функциональных особенностей классов слов является количественно-статистический анализ: изучение активности и частотности, способности заполнить текст различных ЧР. Современная русская статистическая лингвистика представляет собой сеть исследований, имеющую широкое разветвление и богатый спектр рассмотрения проблем. Увидели свет несколько частотных словарей, публикуются работы по частотности слов отдельных подязыков, стилей и т.п. В татарском же языкознании количественные исследования представляют собой пока большую редкость. Труды К.Р. Галиуллина (1999, 2000 и др.), Л.М. Ризвановой (1998, 2000) можно назвать базой для становления сопоставительных (русского и татарского языков) статистических исследований, точность данных и большой объем фактологического материала, проанализированного в их работах, позволяют выйти на более высокий уровень обобщения и уточнения количественных характеристик ЧР в обоих языках. Специальных же работ, посвященных статистической характеристике всех частей речи, номинативных и неминимативных, именно в текстах прозы до сих пор не имелось. Наша работа в плане исследования «поведения» ЧР в художественных текстах на обоих языках – одна из первых попыток количественно-контрастивного изучения обозначенной проблемы.

Для успешного статистического изучения многих явлений морфологии достаточны и удобны выборки длиной в 500 или даже в 250 знаменательных слов (если изучаются части речи); именно такого объема сплошной выборки, в основном (но не только), мы и применяли в своем исследовании. По возможности эти выборки должны быть однородными: неоднородность текста (жанровая, стилевая, содержательная) даст очень большие колеба-

ния частот, их существенные расхождения и тем самым не позволит нам обнаружить статистическую закономерность. Поэтому в работе мы стремились анализировать тексты художественных произведений русских и татарских авторов, строго соблюдая данный принцип однородности. Однородность (в подборе однородных текстов немалую роль отводим интуиции исследователя), на наш взгляд, могла быть обеспечена при выполнении нескольких условий. Во-первых, работая над конкретными русскими или татарскими текстами, мы стремились подбирать примеры одного жанра — исключительно прозы — авторское художественное повествование, философские раздумья писателей, диалоги персонажей. Во-вторых, анализировались произведения, написанные в примерно одних и тех же хронологических рамках (часть произведений — конец 19 века, основная же часть текстов относится к современной литературе). В-третьих, подсчитывая активность употребления тех или иных классов слов, мы имели объектом исследования тексты тех русских и татарских писателей, которых объединяет называемое литературоведами «духовное родство», т.е. примерно одинаковое видение мира, что отражается в схожести сюжетов, в близости стиля и в поэтике языка. Например, на наш взгляд, такие писатели, как М.Шолохов и Г.Баширов, В.Шукшин, В.Распутин и М.Магдиев, В.Белов и А.Еники имеют очень много общего: в тематике произведений (в частности, проблемы села), в мировоззрении, в видении нравственно-этических проблем человечества и конкретно представителей своей нации и т.п. И, наконец, в свои исследования мы стремились вовлечь как можно больший объем и как можно более разносторонний тип выборки. Например, в качестве выборки послужили и точное одинаковое число словоупотреблений (по 250, 300, по 500), и целые рассказы, имеющие примерный объем в 800-900 словоупотреблений, и отдельные страницы из текстов, напечатанные одним конкретным шрифтом. Таким образом, мы сознательно ушли от одного точно взятого объема и размера выборки-текста, что позволило более полно, разносторонне и разноаспектно подойти к статистическим данным в художественных текстах. Кроме того, нами исследовались общая частота употребляемости сначала всех классов слов (ЧР), затем лексико-грамматическая дифференциация внутри самой одной части речи; анализировалось также «поведение» одной отдельно взятой части речи, например, местоимений; отдельно изучалась употребляемость служебных слов и была проведена классификация частотности внутри класса этих самостоятельных лексических единиц и т.п. То есть мы следовали известной формуле А.Н. Колмогорова: «Статистика в лингвистике должна быть предельно дробной» (1962, с.164).

Активность всех ЧР, всех подразрядов внутри одной определенной части речи можно было изучить на основе одних и тех же выборок, например, только на основе текстов одного русского и одного татарского писателя. Но в этом случае, несомненно, анализ стал бы односторонним и далеко не объективным. Поэтому мы сочли нужным изучение встречаемости одних и тех же ЧР в текстах разных авторов, более того, были предприняты попытки анализа употребляемости одной части речи у одного автора, другой — у

второго и т.п. Естественно, были выборки, на основе которых изучалась частотность абсолютно всех лексем.

Мы находим некоторое упущение в статистических данных исследований 70–80 гг. (Головин Б.Н., Пиатровский Р.Г. и др.), ибо здесь в качестве выборки обычно берется 500 СУ только знаменательных слов. А общее количество всех словоупотреблений в этих выборках не упоминается. На наш взгляд, это несколько затемняет картину частотности всех слов в текстах, ибо общий подход к классам слов требует учета всех до исключения словоупотреблений. По утверждению одного из исследователей статистических характеристик словарей, «в основном (общем) частотном словаре немецкого языка вес знаменательных слов составляет 58, 02 % текста, а на долю незнаменательных приходится 22,46%» (Нелюбин Л.Л., 1983, с. 56). Если взять такое соотношение за правду хотя бы приблизительно, напрашивается вывод: без учета незнаменательных слов данные будут далеко не полными. Такой вывод, безусловно, справедлив и по отношению к русским и татарским текстам.

На основе текстов В.Шукшина и М.Магдеева нами были проанализированы не только активность–частотность употребления всех ЧР, но и особенности функционирования различных лексико–грамматических разрядов ЧР. Например, всего было проанализировано 3000 словоупотреблений у каждого писателя, выборки по 500 слов из различных мест, т.е. всего 6000 СУ.

У Шукшина доля частей речи в общем объеме из этих 3000 словоупотреблений такова (перечисление ЧР пойдет по линии убывания частотности): 1) существительные — 840, т.е. 28%; 2) глаголы — 600, т.е. 20 %; 3) местоимения — 390, т.е. 13%; 4) предлоги — 300, т.е. 10%; 5) союзы — 270, т.е. 9 %; 6) прилагательные — 180, т.е. 6%; 7) частицы — 156, т.е. 5,2%; 8) наречия — 150, т.е. 5%. На долю слов КС, числительных, междометий и звукоподражаний приходится всего 3-4 процента текста. Процентное соотношение различных подклассов, т.е. лексико-грамматических разрядов внутри самих частей речи, выглядит так: среди имен существительных собственных всего — 1,9%, нарицательных — 98,1%; одушевленных 11,5 %, неодушевленных — 88, 5%; среди одушевленных — личных 72,3 %, неличных — 27,7; соотношение конкретных к отвлеченным почти один к трем: конкретных около 30, а отвлеченных больше 70 процентов. Доля вещественных и собирательных существительных чрезвычайно мала — их всего около 6 процентов. Даже этот поверхностный анализ употребляемости одной именной части речи позволяет сделать парадоксальный, на первый взгляд, вывод. В рассказах В.Шукшина, которые состоят в большинстве случаев из диалогов, из описания личности, конкретных людей и их действий в различных ситуациях, число неодушевленных и абстрактных имен намного выше, чем количество одушевленных и конкретных существительных.

Среди всех глагольных слов доля личных — 82 процента от общего количества, на неличные (причастия, деепричастия, инфинитив) приходится около 18 процентов СУ. Из них глаголов НСВ — 58,3%, СВ — 41,7 процен-

та, данный вывод подтвердил мнение о том, что глаголы несовершенного вида обладают наиболее емкой, широкой палитрой обозначения характера протекания действия и имеют более богатую аспектуальную семантику. Переходных глаголов 71,6%, непереходных — 28,4 %. Этот вывод серьезно противоречит положению о том, что в русском языке соотношение П и НП глаголов примерно одинаково, но, вместе с тем, позволяет сделать интересное гипотетическое предположение. Возможно, в рассказах В. Шукшина, где много эмоциональности, экспрессии, много диалогов и действий, частотность переходных глаголов, обозначающих распространение действия на какой-то другой объект или субъект, высока именно по художественно-стилевым замыслам автора. Здесь главную роль играют и другие факторы, например, встречаемость одних и тех же лексем; глаголы *сказать, увидеть, дать, понять* — все переходные, и они покрывают около 10 процентов всего глагольного состава в выборках. Интересны процентные данные и с точки зрения соотношения возвратных и невозвратных глаголов: возвратных всего 13,3%, невозвратных 86,7%. И, наконец, наши подсчеты подтверждают тезис о многочисленности глаголов 1-ого спряжения (вот почему они и называются первым, а другие — вторым, первых действительно очень много) — 66,6%, 2-ого спряжения — 33 процента. Разноспрягаемые глаголы *хотеть, бежать* и глаголы с архаичным типом спряжения *дать, есть*, несмотря на кажущуюся их большую активность, не составляют даже одного процента.

Третье место по употребляемости занимают местоимения, причем в диалогах они по численности почти приближаются к глаголам: делают с ними 2 место. Среди них местоимения-существительные занимают 34% от общего числа местоименных слов, местоимений-прилагательных больше — 60 %. Из разрядов, естественно, на первом месте личные — 21,6%, притяжательные — 18%, определительные — 21,2, вопросительно-относительных — 10,2%, неопределенных ровно в два раза больше, чем отрицательных — их около 4 %.

Части речи, наиболее богатой, по точке зрения многих лингвистов, разнообразными возможностями языка, прилагательных, в прозе Шукшина немного, всего около 6% из всех СУ. Среди прилагательных качественных — 52,7%, относительных — 35,9 %, притяжательных — чуть более 12%.

Из наречий определительных 54%, обстоятельственных — 46 процентов. Среди определительных преобладают количественные, их около 22,7%, что объясняется активностью одних и тех же наречий меры и степени и т.п., таких, как *очень, почти, много, мало, немного, совсем, чуть*. Качественных наречий 12, 6%, образа и способа действия — 9%, сравнения-уподобления тоже примерно — 9%. Из обстоятельственных больше всего употреблены наречия времени — 22,7%, места — 9%, причины — 9 и цели — 4,5%.

Из несамостоятельных ЧР наибольшую активность имеют предлоги — они покрывают примерно 10% всех выборок; среди союзов, составляющих тоже около 9,8%, сочинительных ровно в три раза больше, чем подчини-

тельных; сочинительные союзы — 75,5 процентов и среди них самые активные — соединительные (53,3%); подчинительные союзы составляют всего 24,5 процента, из них самые активные — изъяснительные — 6,6%.

Частиц в целом в текстах около 5%, среди них самые активные частицы — отрицательные, 29,4%, общеуточнительные — 23,5%, эмоционально-экспрессивные — 17,6%, общесмысловых — 11,7%, ровно столько же вопросительных, утвердительные частицы составляют всего 5,8% из всех частиц. Междометия из всех 3000 словоупотреблений не набирают даже одного процента, из междометий в этих выборках встретилось всего 16 примеров.

Самая активная часть речи в исследованных нами текстах М. Магдеева тоже имена существительные, их около тридцати процентов — 29,7%; на втором месте, как и у Шукшина, глаголы — 21,8%; на третьем — местоимения (11 %), затем идут прилагательные и наречия, имеющие 8 и 6,6 процентов употребления. Дальше идут частицы речи, самые активные из них — собственно сами частицы — 5, 3%, послелоги — 4, 9%; модальные слова составляют 1,9 процента, числительных около полутора процента. Совсем малый процент текстов занимают союзы — около 2 процентов.

Тот факт, что на долю существительных и глаголов приходится чуть выше 50% всех слов, говорит об интереснейшей закономерности языка писателя, для которого при построении текста (фразы, предложения и т.п.) самым важным являются субъектно-объектные отношения и их действия, взаимодействия. Среди самой многочисленной группы слов — имен существительных — на долю собственных приходится 11,8%, нарицательных — больше 88%. Конкретных имен — 59,4 %, отвлеченных почти на двадцать процентов меньше — их 40,5%, вещественных — 23,7%.

В глагольной лексике преобладают переходные глаголы, 79%, среди них глаголов положительного аспекта 77,2%, отрицательного аспекта — 22,5%. Из залоговых форм соотношение основного, возвратного, страдательного, взаимного и принудительного залогов соответственно таково — 39,5; 30,8; 8,6; 17,2; 3,7, т.е. первые два залога (основной и возвратный) занимают больше 70 процентов всех глагольных слов.

Признаковые слова, прилагательные, в текстах встречаются почти с равной частотой (в каждой из выборок) — около 8 процентов. Причем качественных прилагательных почти 60%; т.е. в татарском тексте доля основного разряда прилагательных, точнее, употребляемости их, очень высока.

Среди местоимений заменяющих имена — 47%, местоимений-прилагательных — 23,5%, местоимений-наречий — 17,6%. Из всех разрядов по значению преобладают личные, их 29,4%, затем идут указательные, определительные, притяжательные, вопросительные и неопределенные — соответственно — 17,6; 11,7; 10,5; 10,2; 10,2 и др.

В отличие от выборок из текстов Шукшина, где основную часть наречий составляли определительные слова, в текстах Магдеева преобладают наречия обстоятельственные — 72,8, а среди всех разрядов больше всего наречий времени — 62%. Частиц и послелогов около 10 процентов, т.е. служебные слова занимают в данных конкретных выборках относительно неболь-

шой процент из всех СУ. Модальные слова составляют почти два процента всех анализируемых слов, числительных — 1,5%, из них наиболее употребительными являются порядковые — 71 процент, на долю количественных приходится примерно 22 процента. Совсем незначительна доля союзов и союзных слов — они не набирают даже двух процентов (их всего 53 употребления), среди них больше всего соединительных. Междометия и звукоподражания вместе дают всего около полпроцента, т.е. их употребляемость в выборках почти равна нулю.

Всего же нами было проанализировано свыше 50000 словоупотреблений из текстов на двух языках, и соотношение частей речи в них в среднем таково (первая цифра есть процент употребляемости ЧР в русском, вторая — в татарском языке): С — 22 и 30, Г — 21 и 18, М — 13 и 15, П — 5 и 7, Н — 7 и 5, Ч — 2 и 1, КС — 1, Мод. — 1 и 3, Пред. — 13 и 6, Част. — 6 и 7, Союзы — 8 и 4.

Прием вероятностного моделирования частей речи на основе материала в 600 страниц из книг А.Чехова и А.Еники дал возможность еще раз убедиться в точности и аналогичности результатов по употребляемости различных ЧР, полученных совершенно разными способами. Например, словами, которые отвечали требованиям случайных чисел, оказались:

	Ф. Амирхан	А.Чехов	М. Магдеев	В. Шукшин
8	<i>булмаса</i>	<i>а</i>		
12	<i>иде</i>	<i>машет</i>	<i>арта</i>	<i>я</i>
17	<i>кеше</i>	<i>благородие</i>	<i>колхоз</i>	—
18	<i>арасыннан</i>	<i>в</i>	<i>абзый</i>	<i>поднимает</i>
21	<i>утырган</i>	—	<i>аларның</i>	<i>напоследок</i>
24	<i>туры</i>	<i>и</i>	<i>кайчан</i>	<i>пару</i>
25	<i>турыдан (посл.)</i>	<i>из</i>	<i>бикәләр</i>	<i>Сеня</i>

Из выбранных по теории случайности 13 татарских слов существительных — 4, глаголов — 3, местоимений — 2, послелогов — 2; статистическая вероятность для существительных — 0,31; глаголов — 0,23; местоимений и послелогов — по 0,15. Из 11 русских слов существительных — 3, статистическая вероятность — 0,27; глаголов — 2 (0,18); предлогов и союзов — по 2 (0,18), местоимение — одно (0,09).

В процентном соотношении это выглядит следующим образом: татарские имена существительные составляют примерно 31 процент всех выбранных слов; глаголы — 23; местоимения и послелог — по 15 процентов. Из выбранных 11 русских слов существительные составляют 27, глаголы — 18, предлоги и союзы по 17 процентов. Таким образом, если вероятностное моделирование кардинальных ЧР (имен существительных и глаголов) в обоих языках дает почти точную картину общей частотности этих классов, с местоимениями та же картина, то полной эквивалентности функционирования связочных слов при таких исследованиях наблюдать невозможно.

Одним из приемов статистических исканий является ранжирование, которое широко используется в лингво-психологических исследованиях. В частности, этот прием применяется при коллективном тестировании, и в

итоге выводится «коллективный» ранг для исследуемого признака. У.Л. Чейф писал, что «лингвистика во многих случаях должна искать объяснения в психологии» и «что описание любого языка невозможно без учета того, что делается «в головах людей» (1975, с. 47). Имея перед собой примерную картину употребляемости, способности наполнять художественный текст каждой из частей речи и перечень самых активных лексем, мы поставили перед собой вопрос: как эти перспективы представляются носителями языка, причем специалистами? В качестве экспериментального материала были взяты по 10 активных и частотных слов из русского и татарского языков, ранжированных по убыванию их частот согласно данным «Частотного словаря русского языка» (Н. Засориной) и исследованием Л. Ризвановой по татарскому языку, т.е. было получено объективное статистическое ранжирование. Для определения субъективного ранжирования указанные слова были переданы десяти преподавателям русского языка ЕГПИ, каждый из которых должен был, опираясь на собственную лингвистическую интуицию, ранжировать эти слова по убыванию их вероятности. Индивидуальные ранги суммировались по отдельным словам. Каждая сумма рассматривалась как число баллов, количественно характеризующее соответствующее слово. Затем проводилось вторичное ранжирование по возрастанию количества баллов. Слову, набравшему наименьшую сумму баллов, приписывался ранг 1; слову, имеющему следующую по величине сумму, был дан ранг 2 и т.д. Выводы, основанные только на данных 20 анкет, были бы не очень убедительными, поэтому данное тестирование повторялось по 5 раз по каждому из языков. Таким образом, всего было задействовано 50 преподавателей русского и татарского языков и 100 студентов русско-татарского отделения филологического факультета, каждый из участников заполнял по 2 анкеты (по частотности отдельных слов и в целом частей речи), всего, таким образом, было проанализировано 240 результатов тестирования.

Итоги были очень похожи. Абсолютное большинство участников анкетирования (около 80 процентов) по татарскому языку на 1 место по частотности поставили слово *кеше*, на второе — вспомогательный глагол *иде*. На третьем месте — слово *килә*. По частям речи на первом месте — существительное, на втором — глагол, на третьем — прилагательное, местоимение — на четвертом месте. Тестирование, которое проводилось на русском языке, выявило, что участники отдают предпочтение тоже существительному *человек* (хотя по итогам статистического ранжирования это слово занимало лишь шестое место); второе место закономерно занимает глагол *сказать*, третье — существительное *год*. По ЧР картина такова: все участники почти поровну указывают на примат или существительного или глагола, поэтому в общем списке эти две кардинальные части речи обе занимают первое место. Второе место делят тоже две части речи: прилагательное и местоимение. Наблюдается одна интереснейшая закономерность для обоих языков: правильно ставя на первое и вторые места бесспорные лидеры по употребляемости существительные и глаголы, участники на третьем месте по активности видят имена прилагательные, которые на самом деле занимают лишь 5-

6 места. Это происходит за счет «отбирания очков» у местоимений и служебных слов, что, скорее всего, связано с экстралингвистическими факторами, с традиционным расположением ЧР в любом учебнике именно по этой схеме: С, П, Ч, М, Г, Н и т.д. То, что даже преподаватели языка и будущие филологи не видят большую активность служебных слов и местоимений, чем употребляемость других знаменательных слов, связано, видимо, также с малочисленностью неноминативных слов (их число ограничено) и с абстрагированным характером таких слов. Носителями обоих языков слова *человек, земля, жизнь* и др. воспринимаются как самые частотные, это еще раз подтверждает нашу мысль об универсальности не только мыслительно-понятийных операций, но и ряда психологических моментов. Это означает: действительно «в любом конкретном национальном языке нет ничего, что не принадлежало бы одновременно языку вообще» (Ю.Н. Караулов, 1987, с. 261).

Итак, статистический анализ текстов прозы и квантитативная характеристика русского и татарского слова как представителя отдельного лексико-грамматического класса, части речи, позволяют сделать следующие выводы:

1. Как в русском, так и в татарском языках, среди всех частей речи наибольшую активность имеют имена существительные, т.е. имена — есть самая многочисленная группа слов в обоих языках. В сопоставительном плане можно сказать, что татарские тексты, во всяком случае, анализированные нами, являются более «именными», чем русские тексты, так как в татарских текстах доля существительных иногда достигает 30-35 процентов всех СУ. Точка зрения о том, что «в функциональной иерархии в предложении глаголу принадлежит первое место» (Й. Вукович, 1972, с. 58), для татарского языка является весьма спорной, но она справедлива по отношению к русскому языку. Эта точка зрения выдвигается и многими другими лингвистами, в частности, Г.А. Золотовой: «Глагол ... остается конструктивным центром русского синтаксиса» (1973, с. 120). (Известный американский языковед У.Л. Чейф писал: «Весь понятийный мир человека изначально разделен на две главные сферы. Одна из них сфера глагола..., другая — сфера существительного... Я принимаю, что центральным из них является глагол, а периферийным — существительное» (1975, с. 114.)) В татарском языке имя существительное, с его многофункциональностью и семантической насыщенностью, позволяющей ему выступить свободно в начальной форме как в субъектно-объектной, так и в атрибутивной функции (*Алтын кыйбат. Алтын таптым. Хатыным — алтын. Алтын алка алдым* и др.), составляет стержень, ядро речи и текста. Видимо, поэтому даже многие русские безличные предложения переводятся на татарский язык конструкциями, обязательно имеющими имена существительные: *Вечерет. Моросит. Клони́т ко сну, хочетс́я спать и Кич житеп килә. Яңгыр сибәли. Йокы килә* и др. Высокая активность существительных обоих языков в организации художественного текста не означает еще и их высокую частотность. Повторяемость существительных в десятки раз ниже повторяемости других

классов слов (местоимений, предлогов и частиц и др.) Среди самых частотных существительных в русских текстах можно выделить следующие: *человек, рука, вода, голова, год, город, день, дело*. В татарских текстах наибольшей повторяемостью выделяются *кеше, гомер, авыл, куз, кул, эш, жир, вакыт*. Имеются и определенные тенденции в употреблении отдельных лексем. Например, существительное *товарищ*, вошедшее по частотности в первые пятьдесят слов по «Частотному словарю русского языка» (1977), в исследованных нами текстах встретилось всего несколько раз, т.е. по активности это слово не вошло даже в первую тысячу самых повторяющихся лексем. Татарский эквивалент этого слова *иптәш* встречается в текстах намного чаще (особенно в прозе М.Магдеева, например, нами слово отмечено 45 раз), что, возможно, связано с более широким спектром оттенков значений данного слова по сравнению с довольно «сухим и деловым» *товарищ*.

2. Глаголы в обоих языках по активности занимают второе место; несмотря на то, что татарская глагольная лексика и система глагольных форм более сложна, в русских текстах доля глагольных лексем в некоторых выборках на 5-8 процентов выше, чем в татарских текстах. По частотности же, несомненно, татарские вспомогательные глаголы *иде, тора, килә* и др. намного превосходят частотность вспомогательных и полусузнаменательных русских глаголов *быть, мочь, стоять* и др.

3. На третьем месте в обоих языках — местоимения, причем в татарских текстах доля местоимений имеет больший процент (иногда до 16-18 процентов всех СУ), чем в русском языке, что объясняется более широким подходом к местоимениям, так как в татарском языке местоимениями признано и множество наречных слов.

4. Несмотря на то, что нами были выбраны произведения авторов, чей язык отличается образным совершенством, выразительностью языковых средств, гибкостью и красотой строения фраз, в обоих языках доля признаков слов (прилагательных и наречий) оказалась очень невысока. Правда, большой повторяемостью отличается ряд лексем, это *большой, ясный, тихий* и *матур* «красивый», *зур* «большой», *гади* «простой».

5. По частотности в обоих языках на первом месте служебные слова, причем в русском языке это — предлоги, союзы, частицы (по убывающей линии), а в татарском — частицы, послелоги, союзы. Ни одна самостоятельная русская или татарская лексема не может сравниться с употреблемостью и встречаемостью таких слов, как *и, в, не, на* и *да/дә, һәм, буе, белән* и т.п. Огромная роль предлогов в организации русских текстов объясняется синтетически-флективным характером морфологического строя русского языка, в татарском же языке значения отношений, передаваемые русскими предлогами, достигаются различными падежными формами имен существительных, поэтому роль послелогов и послеложных слов не так значительна. Налицо факт: доля незначащих слов в русских текстах намного выше, чем доля служебных слов в татарских текстах: около 30 процентов в русском и 17 процентов в татарском языке. Тем не менее, эти данные еще раз подтверждают наш вывод о том, что без служебных, незна-

менательных, слов, на которые приходится чуть ли не каждое 4-5 слово в тексте, система ЧР любого языка, несомненно, выглядит ущербной.

6. В большинстве текстов среди служебных слов по частотности на первом месте находятся слова, класс которых в общем списке имеет очень незначительную роль, например, союзы *и, а* в русском языке и в татарском *һәм* и др. По частотности в текстах художественной прозы среди всех русских слов первое место занимает союз *и*, в татарском языке — вспомогательный глагол *иде*.

7. Высокая активность служебных слов в обоих языках позволяет убедиться в правильности точки зрения некоторых лингвистов о том, что «часто встречающиеся слова в среднем короче, чем редко встречающиеся» (Белоногов Г.Г., 1962, с. 101). Не ставя себе особой цели статистического исследования звуковых характеристик слов и не акцентируя внимания на этот аспект, мы убедились в том, что самые частотные слова в обоих языках имеют минимальный состав букв: 1-2 буквы в русском, чуть большее число букв в татарском *в, на, а, не* и *һәм, да/дә, белән, иде*.

8. Такая общая картина активности отдельных частей речи в зависимости от особенностей текста, стиля автора, типа речи и т.п., может слегка варьироваться, например, в диалогической речи резко возрастает роль местоимений, но в общем плане первостепенная роль существительных и глаголов в организации текста любого типа остается неизменной. В текстах различных стилей и жанров (научно-публицистического, официально-делового, драматургического и поэтико-лирического и т.д.), возможно, наблюдались бы несколько иные параметры в употреблении различных частей речи и отдельных лексем. Но мы в наших исследованиях ограничились лишь одним стилем — языком художественных произведений — и одним жанром — прозой.

9. В качестве практического совета можно предположить мысль, что при изучении курса морфологии русского и татарского языков (особенно, когда эти языки изучаются как неродные) следовало бы материал расположить именно в такой закономерной последовательности: существительное, глагол, местоимение, предлоги и т.п. Традиционная схема изучения ЧР: существительное — прилагательное — числительное — местоимение и т.п., хотя и не лишена логического обоснования (сначала идут именные ЧР), не отражает практической роли частей речи в организации нашей речи. В некоторых современных авторских учебниках предлагается именно такой порядок расположения частей речи.

Итак, **понятийное и категории смысла** — есть, по сути дела, элементы общезыкового и во многом представляют явление универсального порядка, поэтому особую научную ценность имеет рассмотрение частей речи именно в разносистемных (как в нашем случае, татарском и русском) языках. По словам В.Г. Гака, «специфика каждого языка заключается, следовательно, не только в индивидуальных чертах, но и в том, как преломляются в нем общие и всеобщие свойства языка» (1989, с. 8). Следует уточнить содержание термина «общей или расширенной морфологии», понимаемой нами как

учение о классах слов, грамматических формах, основанное на учете всех способов обнаружения грамматических значений. Придерживаясь точки зрения С.Д. Кацнельсона, исходим из того, что «при такой постановке вопроса части речи теряют свою исключительную связь с морфологией флективного типа и становятся составной частью общей морфологии речи» (1986, с. 119). Наш единый подход к ЧР в разноструктурных языках обусловлен не столько рядом общих грамматических закономерностей классов слов, сколько концептуальным подходом к частям речи как к универсальным группировкам слов, являющимся средствами категоризации и способами познания действительности в любом языке. Этот единый концептуальный подход позволяет выделить в обоих языках примерно одни и те же части речи, в то же время дает возможность для устранения логических несоответствий в квалификации слов, обусловленных влиянием грамматических традиций одного языка на другой язык (например, неправомерное выделение так называемых частиц в татарском языке *-мы*, *-мыни*, *-дыр* и др., являющихся аффиксальными морфемами; выделение «предикативных слов» в особую ЧР и т.п.).

В современном языкознании более признанным становится взгляд на части речи как на понятия, аккумулирующие информацию о семантических, морфологических и синтаксических признаках слов, и при классификации ЧР несомненно следует руководствоваться принципом многоаспектной характеристики частей речи, т.е. ЧР должны квалифицироваться на основе набора дифференциальных признаков. Но в трудных и спорных случаях, когда одни критерии или признаки противоречат другим, решающими должны стать аспекты **понятийно-смысловой** (слово как лексико-семантическая единица) и **функциональный** (слово как элемент словосочетания или предложения). Функционально-семантические разряды — основа учения о частях речи.

Чтобы еще раз продемонстрировать примат общемыслительных категорий в характеристике слов, остановимся на концепте, называемом **именами**. Нет ни одной сквозной всеобщей грамматической категории, характерной для всех имен. Рода не имеют существительные *Pluralia tantum*, также местоимения 1 и 2 лица и почти все числительные; числа не имеют числительные и часть местоимений; по падежам не изменяется огромное число несклоняемых иноязычных существительных, аббревиатур, краткие прилагательные, и некоторые местоимения также не имеют падежа. Объединяются же все эти слова общим названием «имена» потому, что означают некую сущность, подразумеваемую носителями языка как «нечто такое», интерпретируемую как обобщенное имя (традиционно единое их название вовсе не без оснований). Носители языка «ощущают» неоднородность слов, хранящихся в памяти, и «опознают» эти единицы как принадлежащие к тем или иным словесным группам, в то же время «ощущают» некую общность определенных классов слов (в данном случае — имен).

Возможность выделения категорий, признаков, значит, и критериев, разной степени свидетельствует о полевой структуре грамматического строя

языка. Полевая структура пронизывает всю систему языка и присуща ей онтологически, ибо она (и система ЧР) в своей сущности асимметрична. основополагающими признаками полевого строения является наличие ядра той или иной категории, конституируемого классом, обладающим полным набором признаков, свойственных данному грамматическому явлению, и периферии, или периферийных зон, характеризующихся отсутствием, или неполнотой того или иного признака или признаков. Например, ядро класса имен в русском и татарском языках составляют такие слова, как *человек, кеше, таш, камень, солнце, кояш, красота, матурлык* и др., которые символизируют предметы, лица, сущности; имеют самые высокие валентные возможности; точно очерченный морфемный состав; систему грамматических форм. Слова же *передовая, ал, бордо, карт, синь* и др. находятся далеко от ядра именных слов, так как они являются символами сразу нескольких информационных блоков (т.е. означают несколько различных понятий); имеют нехарактерный для существительных морфемный состав и систему форм (или не имеют эту систему); ограничены они и в словосочетательных возможностях. Такие слова находятся на периферии имен, точнее, на пересечении существительных с другими ЧР. Части речи, их классификация есть не только систематизация, обобщенная схема противопоставлений и различий групп слов, но и единство, общность, пересечение почти всех их функциональных характеристик.

Части речи, в нашем понимании, это концепты, отражающие результаты человеческого именуемых объектов, их свойств, действий и отношений и т.д. и являющиеся средствами категоризации различий окружающего мира. Термин «концепт» употребляется нами как «мыслительное образование, замещающее в сознании неопределенное множество однородных предметов», т.е. как «заместитель реальных предметов, действий, признаков или свойств объектов познания» (Алефиренко Н.Ф., 1999, с. 60).

Общие наши выводы относительно критериев определения принадлежности слова к части речи таковы: в первую очередь следует исходить из того, каково слова участие в речемыслительных операциях, какова его функциональная значимость, каковы особенности употребления слова в тексте и как воспринимается (интерпретируется) в общем данное слово носителем языка. Если вершиной иерархии критериев является понятийно-функциональный аспект, другие дифференциальные признаки ЧР начинают «работать», когда возникают сложности при определении частеречной принадлежности слов (например, принцип сочетаемости слов при разграничении функциональных омонимов). По-иному, грамматические категории и свойства слов (особенно для агглютинативного татарского языка) важны при описании и характеристике выделенных, в первую очередь, на основе значения (смысла) частей речи. В нашем понимании, свойства грамматического порядка – это опознавательные знаки, сопровождающие каждую из имеющихся частей речи. «Внешние выразители» категории (т.е. части речи) могут быть, действительно, разные – эти дифференциальные признаки, как нами было уже отмечено, присутствуют даже в словах одной и той же ЧР

неравномерно.

Говоря о дифференциальных признаках частей речи, мы сознательно ушли от детального описания некоторых грамматических категорий слов, их систем словоизменения, морфемной структуры. Грамматическая характеристика классов слов — как раз та область, в которой сделано действительно очень много; в большинстве грамматик тщательно разработаны грамматические категории и характеристики ЧР. Претендовать на что-то новое в таком плане было бы, по крайней мере, не очень уместным. Что же касается общих подходов и принципов характеристики классов слов, освещения ЧР в свете новейших лингвистических исследований и современной интерпретации различных языковых характеристик, то наши попытки в этом плане, как нам кажется, были не совсем безрезультатными. Этот аспект, особенно аспект сложных функциональных характеристик ЧР разносистемных языков (татарского и русского), освещение остающихся до сих пор спорными вопросов, описание особенностей функционирования частей речи в текстах различных стилей и т.п. — все это несомненно требует дальнейших исследований. Позволим себе надеяться, что наше исследование окажется не только любопытным сводом наиболее запутанных проблем современной теории части речи, но и небезуспешной попыткой представить свой взгляд на решение таких проблем, в одних случаях, давая развернутое предложение по определению сложнейших случаев принадлежности к той или иной ЧР (например, степени переходности в системе ЧР); в других — контурно обозначая свое видение решения проблемы (например, обоснование одинакового подхода к местоимениям в русском и татарском языках); в третьих — предлагая более точные формулировки (например, модальные слова в татарском языке) и т.д.

Основные положения и результаты исследования отражены в следующих публикациях (для публикаций, написанных в соавторстве, после / указывается объем п.л., принадлежащих диссертанту):

Поэтика поговорок // Системное изучение фольклора. — Казань: Изд-во КГУ, 1987. — С. 32–54 (в соавторстве С.А.Г. Яхиным; 0,7 п.л.).

О некоторых морфонологических явлениях при образовании видовых пар // Русский глагол. — Казань: Изд-во КГПИ, 1989. — С. 44–52.

Частотность употребления букв в русском и татарском текстах // Тезисы научно-практической конференции «Закономерности развития и взаимодействия национальных языков и культур». Ч.1. — Казань: Изд-во КГУ, 1989. — С.183–184.

Употребление видовременных форм глагола с обстоятельственными словами в русском и татарском языках. // Тезисы Всесоюзной научно-практической конференции «Проблемы языкового контактирования в конкретных полиэтнических регионах СССР» — Махачкала: Изд-во ИРЯ АН СССР, 1991. — С.99–100.

Употребление видовременных форм русских глаголов с обстоятельственными словами (наречиями времени) и их соответствия в татарском языке // Формы взаимодействия татарского и русского языков на современном этапе. — Казань: Изд-во КЦ РАН, 1992. — С.13–19.

Русский глагол. Учебное пособие для национальных групп педвузов. — Казань: Изд-во КГПИ, 1992. Ч. 1. — 58 с. (в соавторстве с В.А.Бурцевой и Н.И.Ирисо-

- вым; 1,2 п.л.).
- Морфонология (на русском языке) // Татарская грамматика. Т.1. — Казань: Татар. кн. изд-во, 1993. — С.160-188 (в соавторстве с М.З. Закиевым; 1 п.л.).**
- Русский глагол: Система форм. Образование видовых пар. Употребление видов. Учебное пособие. Часть 2. — Набережные Челны: Изд-во НИНПО, 1994. — 62 с. (в соавторстве с Ирисовым Н.И.; 2 п.л.).**
- Русские отглагольные имена существительные, образованные нулевой суффиксацией, и их эквиваленты в татарском языке // Материалы Всероссийской научной конференции «Проблемы двуязычия в современных условиях». — Казань: Изд-во КГПИ, 1994. — С. 77-79.**
- Семантические группы субстантивированных прилагательных в современном русском языке // Единицы языка: структура, семантика, функция, изучение. — Тула: Изд-во ТГПУ, 1997. — С.85-91 (в соавторстве с Гайнутдиновой А.Ф.).**
- Дифференциация материалов и заданий по курсу «Современный русский язык» в татарских группах филологического факультета // Вопросы дифференцированного обучения. — Казань: Изд-во КГПИ, 1997. — С.95-102.**
- О некоторых вопросах речевого этикета в русском и татарском языках // Язык, культура, традиции, новаторство. Материалы межвузовской научной конференции 30-31 мая 1997 года. — Бирск, 1997. — С. 122-125.**
- Активность употребления местоименных слов в русском и татарском языках // Материалы международной научной конференции «Образование, язык, культура на рубеже XX-XXI вв. 22-25 сентября 1998 г. — Ч.2. — Уфа: Изд-во «Восточный университет», 1998. — С. 134-135.**
- О языке писателя и приемах создания речевого образа // Поэт действительности. Материалы научной конференции. — Елабуга: Изд-во ЕГПИ, 1999. — С. 53-57.**
- Дифференцированный подход в обучении (из опыта работы в татарских группах педвузов) // Магариф. — 1999. — №2. — С.41-43.**
- Местоимения как особый класс слов в татарском и в русском языках // Материалы международной научно-практической конференции «Народы России и Татарстана: возрождение и развитие». Ч.2. — Альметьевск: НАЗА, 2000. — С.91-98.**
- Переход самостоятельных частей речи в служебные слова // Актуальные проблемы преподавания филологии в школе и вузе. Тезисы докладов Всероссийской научно-практической конференции. — Казань: Изд-во КГПУ, 2000. — С. 82-85.**
- Система частей речи русского и татарского языков. — Казань, 2000. — 230 с.**
- Тел гыйлеменә кереш. — Казан: Арт-кафе, 2000. — 126 с. (в соавторстве с Сафиуллин Ф.С. и Салимовым Х.Х.; 2,6 п.л.)**
- Еще раз о служебных словах // Русский язык в школе: опыт, проблемы, перспективы. Материалы Всероссийской конференции 13-15 марта 2001 г. — Казань: ИПКРО, 2001. — С. 98-100.**
- Адвербиализация в современном татарском языке (на тат. языке) // Вопросы татарской филологии. Сб. статей. — Елабуга: Изд-во ЕГПИ, 2001. — С. 40-42.**
- Части речи в разноструктурных языках. — Елабуга: Изд-во ЕГПИ, 2001. — 256 с.**

Салимова Д.А.

Части речи в разноструктурных языках
Редакционно-издательский комплекс ЕГПИ
Лиц. № 0317 от 20.10.2000

Сдано в набор 1.09.01 г. Подписано к печати 12.09.01 г.
Формат 60х90 1/16. Тираж 100 экз. Заказ № 77

2-

